

eISSN 2311-2468
Том 12, №1. 2024
Vol.12, no.1. 2024

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

САИТОВ С. Р., ЧЕБУРЕНКОВ А. А.

**ОЦЕНКА СРЕДСТВ ОКАЗАНИЯ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ
КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ ДОПРОСЕ
ОБВИНЯЕМОГО В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

Аннотация. Механизм реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве предусматривает процессуальные и тактические средства, применяемые следователем и адвокатом-защитником. Изучение практики применения данных средств при допросе обвиняемого на стадии предварительного расследования выявило проблемы в реализации права обвиняемого на свидание с защитником, на получение кратких консультаций и др. Авторы предлагают подходить к решению этих проблем с позиции обеспечения прав и законных интересов обвиняемого как участника уголовного процесса, а также с учетом тактических особенностей допроса как способа получения значимой для расследования информации.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, адвокат-защитник, допрос обвиняемого, процессуальные, тактические средства, право обвиняемого, свидание с защитником, консультация защитника, злоупотребление правом, допустимость.

SAITOV S. R., CHEBURENKOV A. A.

**ASSESSING THE MEANS OF PROVIDING QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE
BY A DEFENCE LAWYER WHEN INTERROGATING
AN ACCUSED IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS**

Abstract. The mechanism for implementing the constitutional right to qualified legal assistance in criminal proceedings provides for procedural and tactical means used by the investigator and defence lawyer. A study of the practice of using these means when interrogating an accused at the stage of preliminary investigation revealed problems in the implementation of the accused's right to a meeting with a defence lawyer, to receive brief consultations, etc. The authors propose to approach the solution of these problems from the position of ensuring the rights and legitimate interests of the accused as a participant in criminal proceedings, as well as taking into account the tactical features of interrogation as a method of receiving information significant for the investigation.

Keywords: qualified legal assistance, defence lawyer, interrogation of the accused, procedural, tactical means, the right of the accused, meeting with the defence lawyer, consultation of the defence lawyer, abuse of right, admissibility.

Конституция Российской Федерации в ст. 48 закрепляет право каждого гражданина на получение квалифицированной юридической помощи. Конституционное регулирование указанного права свидетельствует о его общегосударственном значении и создает нормативную основу для разработки и законодательного закрепления механизма осуществления права на квалифицированную юридическую помощь на разных стадиях отечественного уголовного судопроизводства и в отношении различных участников процесса (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, свидетеля).

Самостоятельной формой обеспечения конституционного права обвиняемого на квалифицированную юридическую помощь при производстве предварительного расследования выступает участие адвоката-защитника в допросе обвиняемого. Целями подобного участия являются: обеспечение прав и законных интересов обвиняемого, включая его право на защиту от предъявленного обвинения; консультирование обвиняемого по юридическим вопросам; разъяснение обвиняемому его процессуальных прав; создание условий для выяснения следователем обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его вину; выявление допущенных должностными лицами органов предварительного расследования в отношении обвиняемого нарушений уголовно-процессуального закона, если они направлены на ущемление интересов обвиняемого.

Достижение защитником указанных целей, если оно было осуществлено в установленном правовом порядке, дозволенными законом средствами, не только соответствует интересам обвиняемого, но и будет служить предпосылкой всестороннего и объективного расследования, необходимым условием справедливого правосудия, важным фактором обеспечения законности в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем, участие защитника в допросе обвиняемого может повлечь негативные последствия для следователя, стремящегося разобраться в фактических обстоятельствах расследуемого события и правильно решить вопрос о причастности обвиняемого к совершению преступления.

Защитник может склонить обвиняемого к отказу от признания очевидной вины, побудить его дать показания, не соответствующие действительности, изменить ранее данные правдивые показания на ложные и т.п. Нередко защитники советуют обвиняемому отказаться от уже сделанного признания вины непосредственно в ходе судебного разбирательства, мотивируя такие заявления якобы примененными следователем незаконными способами получения признания [1, с. 40-41]. Такого рода действия недобросовестного защитника следует расценивать как попытки воспрепятствовать предварительному расследованию, использование незаконных методов и способов защиты интересов обвиняемого.

В ряде случаев адвокаты злоупотребляют предоставленным им правом обжалования действий и решений следователя, пытаются отстранить его от расследования по конкретному делу. Принимая участие в допросе обвиняемого, защитник может заявлять многочисленные ходатайства по самым незначительным поводам, требовать неоднократных свиданий с обвиняемым наедине и т.п. В результате правомерные средства обеспечения права обвиняемого на защиту в руках недобросовестного защитника фактически превращается в способ оказания психологического воздействия (прессинга) на следователя.

Распространенность на практике указанных приемов работы защитника на предварительном расследовании привела некоторых ученых-криминалистов к выводу о возможности рассматривать всю осуществляемую защитником деятельность в целом как противодействие расследованию в самом негативном смысле данного понятия. Между тем, в условиях состязательного процесса защитник выступает для следователя в роли оппонента, отстаивающего иную точку зрения по вопросу о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, позиция которого должна быть принята во внимание, а приводимые им аргументы и доводы должны стать средствами проверки обоснованности вывода следователя о причастности обвиняемого к совершению преступления. Поэтому следователь обязан стремиться к выстраиванию нормальных рабочих отношений с защитником, к совместному решению с ним ряда правовых вопросов, предупреждать возможные конфликтные ситуации, организовать обмен информацией, значимой для расследования, и т.п. Непосредственная реализация линии поведения следователя на конструктивное взаимодействие с защитником должна иметь место и при производстве допроса обвиняемого с участием защитника.

Предусмотренный Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) порядок производства следственных действий закрепляет возможность участия защитника в допросе обвиняемого по ходатайству обвиняемого, защитника или по решению самого следователя. В случаях, когда обвиняемый ходатайствует об участии защитника, представляющего его интересы, в допросе, или соответствующее ходатайство заявляет сам защитник (п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), защитник становится обязательным участником данного следственного действия, а у следователя возникает обязанность обеспечить защитнику реальную возможность участвовать в допросе обвиняемого. С этой целью следователь должен заблаговременно известить защитника о времени и месте проведения допроса; по возможности предоставить время для того, чтобы защитник подготовился к участию в данном следственном действии; предложить защитнику высказать свои соображения о содержании, порядке проведения следственного действия; при необходимости привлечь защитника к составлению плана допроса и т.д.

В соответствии с законом, при неявке защитника следователь либо вправе провести следственное действие без участия защитника, либо, если участие защитника обязательно, следователь должен принять меры по назначению или замене защитника (даже в случае отказа обвиняемого от защитника, поскольку, согласно ч. 2 ст. 52 УПК РФ, такой отказ для следователя не обязателен).

В практике расследования уголовных дел отмечаются случаи злоупотребления следователем имеющимися полномочиями по организации следственных действий. Так, следователь вместо того чтобы согласовать с защитником дату и время производства допроса обвиняемого, намеренно назначает данное следственное действие на день, когда у адвоката намечен судебный процесс. Очевидно, что здесь имеет место лишь видимость соблюдения порядка, предусмотренного УПК РФ, «фактически же следователь таким образом просто устраняет неудобного ему защитника от участия в производстве следственного действия, грубо нарушая право подозреваемого (обвиняемого) на защиту, поскольку приглашенный защитник, нередко являясь знакомым следователя, свои обязанности выполняет формально, не знакомится до начала следственного действия с материалами дела, не встречается с подзащитным наедине, не уясняет его позицию, то есть не участвует в производстве следственного действия, а лишь присутствует при этом» [3, с. 15].

Вместе с тем, не исключена ситуация, когда защитник преднамеренно, с целью затянуть расследование, не является для участия в следственном действии без уважительных причин. Так, защитник может специально сорвать допрос обвиняемого, если знает, что тот даст признательные показания, изобличающие его самого или других соучастников. Делается это с расчетом на то, что впоследствии защитник «убедит» подзащитного изменить показания и тогда, в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, первоначальные признательные показания будут признаны судом недопустимыми доказательствами [5, с. 244].

Очевидно, что такого рода методы работы профессиональных участников расследования недопустимы и должны быть исключены из следственной и адвокатской практики.

В системе средств, предоставляемых уголовно-процессуальным законом защитнику для оказания им квалифицированной юридической помощи обвиняемому при допросе последнего следователем, особое значение имеют полномочия по проведению свидания с обвиняемым и по даче в процессе производства следственного действия консультаций обвиняемому. Реализация данных способов защиты интересов обвиняемого на практике может создавать определенные сложности для следователя, особенно в ситуациях злоупотребления защитником соответствующими правами.

Закрепленное в п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ право обвиняемого иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса лица в качестве обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности, образует «довольно специфическое средство защиты» [8, с. 203]. Цели свиданий обвиняемого с защитником могут быть различными и зависят от этапа расследования, обстоятельств дела и др.

Законодатель не урегулировал порядок предоставления свидания защитника с подзащитным, что дает основания полагать, что оно возможно как непосредственно перед проведением конкретного следственного действия, так и в ходе его производства. Следователь обязан предоставить подозреваемому, обвиняемому такое свидание по его просьбе или по ходатайству защитника, однако процесс реализации соответствующих положений закона включает и тактический аспект.

В практике расследования преступлений встречаются случаи, когда подозреваемый после конфиденциальной беседы с защитником отказывается от сведений, которые он сообщил при протоколировании явки с повинной [4, с. 42], обвиняемые меняют первоначальные признательные показания на «отказы». Обвиняемый может сообщить защитнику информацию об обстоятельствах происшедшего, свидетелях, потерпевших, ставших известными следователю, о доказательствах, которые могут находиться в распоряжении следствия. Во время свидания защитник может предложить специально подготовленную «легенду» для своего подзащитного, которая затем будет положена в основу даваемых обвиняемым ложных показаний по делу, может договориться с подзащитным о резкой смене позиции по отношению к предъявленному обвинению, о срыве предстоящего допроса.

Очевидно, заявление обвиняемым и его защитником ходатайства о предоставлении им свидания в ходе уже начавшегося допроса оказывает существенное влияние на тактику производства данного следственного действия. В результате таких свиданий могут быть нарушены конкретные тактические планы следователя, сведено на нет использование им фактора внезапности при предъявлении доказательств, защитник и обвиняемый получают возможность оперативно корректировать и согласовывать свое поведение и т.д.

В соответствии с законом следователь не вправе оставлять заявленное ходатайство без рассмотрения, однако он должен учитывать, что немедленное предоставление свидания может фактически сорвать следственное действие (на что в данной ситуации, возможно, и рассчитывает защитник). Поэтому решение вопроса о предоставлении свидания защитнику с обвиняемым в ходе допроса не может быть однозначным. В литературе по этому поводу высказаны различные мнения.

Рекомендуется, в частности, в данной ситуации следователю не прерывать допрос, в особенности, когда соответствующее ходатайство уже заявлялось до первого допроса, или если проводимый допрос не является первым по уголовному делу. Следователю стоит разъяснить защите, что свидание может быть предоставлено после окончания допроса. При этом ему необходимо выяснить, почему правом на свидание защитник и обвиняемый не воспользовались до начала следственного действия и чем вызвана срочность свидания [3, с. 16-17].

Наряду с этим обосновывается позиция, допускающая предоставление свидания защитника с обвиняемым в ходе допроса в случае заявления об этом ходатайства. При этом утверждается, что следователь обязан предоставить такое свидание, исходя из необходимости обеспечить эффективную юридическую помощь обвиняемому, которая практически немыслима без уважения конфиденциальности отношений адвоката с подзащитным, обеспечивающей открытое и честное общение между ними. Более того, следует помнить, что дача обвиняемым показаний является его правом, а не обязанностью и выступает средством защиты от обвинения в совершении преступления, в силу чего он в любой момент допроса может отказаться от дачи показаний [6, с. 303-304].

Представляется, что в некоторых ситуациях предоставление рассматриваемого свидания может быть выгодно следователю с тактической точки зрения. Например, когда между обвиняемым, его защитником и следователем возникают острые противоречия, организация указанного свидания может помочь в снятии накопленного напряжения и не углублять наметившийся конфликт. Следователь также может использовать потенциал свидания обвиняемого и защитника в интересах расследования и в необходимых случаях сам выступить с инициативой такой встречи, в рамках которой, например, защитнику рекомендуется обсудить с обвиняемым возможность реализации компромиссных процедур [7, с. 99] и т.п.

Существенное влияние на ход допроса обвиняемого оказывает предусмотренное ч. 2 ст. 53 УПК РФ положение, согласно которому защитник, участвующий в производстве следственного действия, имеет право в присутствии следователя давать краткие консультации обвиняемому в рамках оказания ему юридической помощи, задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемому. Возможное содержание консультаций защитника в УПК РФ не раскрывается, закон лишь ограничивает их «рамками оказания юридической помощи». Поэтому на практике данные консультации могут касаться самых разных аспектов: разъяснения допрашиваемому тех или иных правовых норм, процессуальных правил и др., выбора варианта поведения обвиняемого на допросе, оценки используемых следователем тактических приемов, формулировки ответов на вопросы

следователя и т.д.

Очевидно, что, по смыслу закона, использование защитником возможностей консультации в ходе допроса как средства оказания юридической помощи обвиняемому не должно приобретать форму злоупотребления соответствующим правом, когда консультация фактически направлена на срыв следственного действия, создание препятствий для реализации следователем тактических приемов проведения следственного действия, приводит к подмене процессуальных статусов участников, выходит за пределы полномочий, предоставленных защитнику, и т.п. В иной ситуации следователь вправе пресечь неправомерную консультацию защитника. В случае возникновения по этому поводу конфликта возможно внесение в протокол замечания защитнику [3, с. 16].

В этой связи представляется спорной рекомендация М.А. Фомина о заблаговременном составлении защитником для обвиняемого текста его предполагаемых показаний на допросе и использовании допрашиваемым таких записей на основании ч. 3 ст. 189 УПК РФ [9, с. 166-167]. Практическая реализация данной рекомендации будет означать, что допрос обвиняемого в реальности превратится в чтение допрашиваемым заранее подготовленных защитником материалов, в результате рассматриваемое следственное действие теряет свое значение и смысл.

Следователь, как организатор и ответственный исполнитель следственных действий, может применить в отношении недобросовестного защитника различные меры по нейтрализации его неправомерного поведения в ходе допроса. Так, реагируя на попытки защитника напрямую подсказать обвиняемому желательный ответ на заданный допрашивающим вопрос, следователь может сделать защитнику предупреждение о недопустимости такой подсказки; зафиксировать факт подсказки в протоколе допроса или указать на это в видеозаписи хода допроса; отвести вопросы защитника, носящие характер подсказки. Следователь также вправе прекратить допрос и перенести его на другое время, а перед этим побеседовать с защитником наедине и еще раз предупредить его о недопустимости подобного поведения. Наконец, следователь может обратиться с представлением о неблагоприятном поведении защитника по срыву следственных действий в адвокатскую палату для рассмотрения его в порядке дисциплинарного производства.

Особо отметим, что указанные меры должны применяться только в ситуации действительно неправомерного поведения защитника. Следует согласиться с С.А. Шейфером в том, что недопустимо под видом пресечения как якобы противодействующего расследованию поведения защитника запрещать ему разъяснять допрашиваемому его права, в том числе «право на молчание», возражать против некорректных вопросов, ненадлежащего (угрожающего) тона допроса, заявлений о возможности изменить подследственному мере

пресечения и т.п. Всё это должно рассматриваться как нарушение права обвиняемого на защиту [10, с. 164].

Конечно, перечисленные меры во многих случаях способны убедить защитника скорректировать свое поведение в ходе допроса. Однако, они не всегда позволяют дать юридическую оценку действий защитника как злоупотребление правом. В этом же случае уголовно-процессуальный закон должен предусматривать серьезные правовые последствия для субъекта, допустившего подобные злоупотребления.

Вопрос о характере таких последствий и порядке их установления находится в стадии активного обсуждения. По мнению исследователей, необходим особый правовой механизм реагирования на допускаемые каждым субъектом при осуществлении процессуальной деятельности злоупотребления правом. Этот механизм может предусматривать, в частности, лишение субъекта возможности осуществлять в дальнейшем то право, злоупотребление которым было зафиксировано в установленном порядке. Вопрос о лишении субъекта, допустившего определенное злоупотребление, соответствующего права в досудебном производстве должен решаться судом (как это предусмотрено в УПК РФ для получения разрешения на производство следственных действий и ограничения срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела) и только на основе объективного и всестороннего учета всех обстоятельств осуществления судопроизводства по конкретному уголовному делу [2, с. 24].

Таким образом, конкретные процессуально-тактические средства, используемые защитником при оказании квалифицированной юридической помощи обвиняемому, подлежат обязательной оценке с позиции соответствия их требованиям допустимости. Применение указанных средств при допросе обвиняемого должно соответствовать процессуальному порядку и целям допроса, учитывать ведущую роль следователя в данном следственном действии, основываться на ответственном отношении защитника к предоставленным ему законом правам, не выходить за рамки полномочий адвоката-защитника в досудебном производстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаева Э. У. Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления: научно-практическое пособие. – М.: Щит-М, 2001. – 164 с.
2. Баев О. Я., Баев М. О. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. – М.: Проспект, 2017. – 216 с.
3. Бондарева М. В. Взаимодействие следователя с защитником в досудебном производстве // Уголовный процесс. – 2013. – № 2. – С. 14-20.

4. Воробьев П. Ошибки сторон и суда глазами следователя // Законность. – 2007. – № 2. – С. 41-44.
5. Гармаев Ю. П. Пределы прав и полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве и типичные правонарушения: научно-практическое пособие. – Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2004. – 390 с.
6. Калюжный А. Н. Современные проблемы производства допроса // Допрос: процессуальные и криминалистические проблемы: сборник материалов 55-х криминалистических чтений: в 2 ч. Часть 1. – М.: Акад. управ. МВД России, 2014. – С. 301-306.
7. Попова И. А., Полстовалов О. В. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 168 с.
8. Смоленский М. Б. Адвокатская деятельность и адвокатура в России: курс адвокатского права: учебник. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. – 331 с.
9. Фомин М. А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство): учебно-практическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 536 с.
10. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма, 2009. – 240 с.

КАЛАНОВ И. А., НАРЯДЧИКОВ В. Н.
ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Предметом исследования выступают отмечаемые в настоящее время проблемы организации системы судебной власти в России. В статье анализируются отдельные недостатки правового регулирования, касающиеся организации судебной власти, некоторые проблемы формирующейся судебной практики, подтверждаемые статистическими данными о работе судов по рассмотрению ими уголовных дел.

Ключевые слова: судебная власть, судебная система, правосудие, законность, принцип независимости судей, порядок формирования судов и назначения судей, обвинительный уклон, суд присяжных.

KALANOV I. A., NARYADCHIKOV V. N.
PROBLEMS OF ORGANIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The subject of the research is the current problems of organizing the Russian judicial system. The article presents an analysis of a number of shortcomings of legal regulation relating to the organization of the Russian judiciary power as well as some problems of the judicial practice based on statistical data on the work of courts in considering criminal cases.

Keywords: judicial power, judicial system, justice, legality, the principle of independence of judges, the procedure for the formation of courts and the appointment of judges, accusatory bias, jury trial.

В известной системе разделения властей судебная власть играет роль своего рода надзирателя за соблюдением законности и правопорядка, также она призвана контролировать то, чтобы исполнительная и законодательная ветви власти не выходили за рамки своих полномочий, и разрешать споры, возникающие между ними. Сохранение баланса между всеми ветвями власти — это жизненно важная функция для любого государства. Судебная власть предотвращает конфликты между разными органами власти, не дает узурпировать власть в одних руках, обеспечивает сохранность конституционного строя. Но еще более суды необходимы гражданам, особенно тем, кто находится в наиболее уязвимом положении, гарантируя им право на справедливое судебное разбирательство. Именно суды помогают гражданам, на чьей стороне закон, выстоять в конфликте с органами власти и крупными корпорациями, располагающими значительными ресурсами и возможностями. Более того, независимое и справедливое правосудие способствует росту

экономики, так как укрепление режима законности предполагает защиту свободного предпринимательства и привлекает потенциальных инвесторов.

Как мы видим, от того, насколько успешно суд исполняет свои функции, зависят многие аспекты государственного развития. В таком понимании судебная власть, возможно, стоит даже выше остальных ветвей власти. Современный цивилист Р. С. Бевзенко в одном из интервью говорил: «Право – это то, что происходит в суде. Если нет нормального суда, то у тебя могут быть тысячу раз хорошие законы, но ты натолкнешься на отвратительную практику их применения. И тут, кстати, хороший вопрос, его задавали еще наши дореволюционные юристы: что лучше – отвратительные законы, но очень хороший суд, как это было в империи, или очень хорошие законы, но отвратительный суд, как сейчас? Старые юристы говорили, что лучше первое – иметь плохие законы, но хороших судей, потому что хорошие судьи из плохих законов сделают конфетку...» [1, с. 151].

В настоящее время судебная система России сталкивается с многочисленными трудностями и нарушениями, которые нередко вызывают широкий общественный резонанс. Рассмотрим некоторые, наиболее актуальные, на наш взгляд, проблемы, отмечаемые в отечественной судебной системе.

Первая проблема носит организационный характер, и связана она с порядком формирования высших судов Российской Федерации. Данная проблема обусловлена ключевой ролью исполнительной власти и, прежде всего, президентской власти, в механизме назначения судей Верховного и Конституционного судов, что создает заметный дисбаланс в системе сдержек и противовесов и может грозить нарушением общеправовых принципов независимости судей и невмешательства в судебную деятельность.

В настоящее время судей высших судов фактически назначает Президент РФ. Согласно п. «е» ст. 83 Конституции РФ, он представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Председателя Конституционного Суда РФ, заместителя Председателя Конституционного Суда РФ и судей Конституционного Суда РФ; Председателя Верховного Суда РФ, его заместителей и судей Верховного Суда РФ; назначает председателей, заместителей председателей и судей других федеральных судов. Конечно, Совет Федерации вправе не согласиться с предлагаемой кандидатурой, однако на практике таких прецедентов, как правило, не наблюдается. В юридической литературе часто встречается критика процедуры назначения судей Конституционного Суда РФ, отмечается, что только использование всеобщего, равного и прямого избирательного права путем тайного голосования в процессе конституционного правосудия гарантирует его независимость от Президента и Парламента [2, с. 11].

После поправок, внесенных в Конституцию РФ в 2020 году, полномочия Президента

РФ в отношении судей высших судов были еще более расширены. Теперь в соответствии с пунктом «е.3» ст. 83 Конституции РФ Президент РФ может вносить в Совет Федерации представление о прекращении полномочий судей не только Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, но и судей кассационных и апелляционных судов. Ранее инициировать процесс отстранения от должности судьи Конституционного Суда РФ мог только сам Конституционный Суд, который принимал такое решение большинством не менее двух третей голосов от числа действующих судей, после чего Совет Федерации утверждал такое решение. А право лишения полномочий остальных судей оставалось прерогативой исключительно судейского сообщества, делегированной Высшей квалификационной коллегии судей. Независимость в вопросе лишения судейских полномочий считалась одной из важнейших гарантий независимости судебной власти. Теперь же порядок решения данного вопроса, минуя мнение представителей судейского сообщества, вызывает сомнение с позиции полноты реализации принципов невмешательства в судебную деятельность и судейского самоуправления.

Проблемы действующего порядка назначения судей касаются не только высших, но и других, нижестоящих судов. Система назначения судей сегодня характеризуется во многом непрозрачной и не всегда объективной процедурой отбора на судейские должности.

В современных реалиях подавляющее большинство новых судей – это бывшие работники аппарата суда. Результаты социологического исследования, проведенного еще в 2012 году Институтом проблем правоприменения, показали, что «основным источником пополнения судейских кадров является аппарат судов (и судебный департамент) – до 29% судей имели такой опыт работы. Среди этих судей преобладают женщины, занимающие должность судьи в достаточно молодом возрасте (более половины из них вступили в должность до тридцати лет). Вторым по значимости является опыт работы в прокуратуре (16,7%), а также в правоохранительных органах (16%). Оттуда приходят преимущественно мужчины более старшего возраста. Значительное количество судей ранее имело опыт работы в юридических службах государственных организаций. Относительно мало судей с адвокатским опытом работы» [3, с. 5]. Схожие результаты были получены и в ходе исследования, проведенного интернет-изданием «Проект» в 2019 году, в рамках которого эксперты проанализировали биографии двух тысяч судей и – в итоге: «84% действующих российских судей – это экс-работники аппарата судов, прокуратуры и МВД. Как оказалось, судьями чаще становятся экс-сотрудники аппарата суда (43%) и силовики (34%). Судей, ранее имевших статус адвоката, лишь 4%» [4]. Что же касается, например, преподавателей университетов, работников юридических фирм, членов общественных объединений и коммерческих организаций, то процент судей – представителей этой среды ничтожно мал.

Таким образом, складывается ситуация, когда судейское сообщество воспроизводит само себя. Работники аппарата суда, как правило, начинают трудовую карьеру, чтобы выработать необходимый стаж и в будущем стать судьей, поэтому их жизненный опыт ограничен лишь рамками работы с другими судьями, чего бывает недостаточно при рассмотрении отдельных категорий дел. А высокий процент судей из числа бывших следователей и прокуроров, вероятно, является одной из причин так называемого «обвинительного уклона» правосудия, так как судьи, имевшие тесные рабочие отношения с представителями правоохранительных органов, зачастую не желают портить сложившиеся отношения с бывшими коллегами. Формирование изолированных сообществ угрожает тем, что они могут легко потерять моральные ориентиры, и тогда долг судьи по принятию решения, от которого зависит судьба человека, превращается в грубую механическую работу. Вот почему так важна независимая, объективная оценка работы судебных органов со стороны новых лиц.

В ходе отбора на должность судьи кандидат сдает квалификационный экзамен. В ходе экзамена, помимо теоретических вопросов и задач, кандидат должен подготовить процессуальный документ, который оценивается не только с точки зрения содержания, но и оформления (поэтому помощники судьи или секретари судебного заседания, как правило, имеют при этом преимущество). После сдачи экзамена кандидат должен пройти еще два фильтра. Во-первых, квалификационная коллегия судей обращается с запросом о проверке достоверности представленных ей документов и сведений в уполномоченные органы, которые обязаны сообщить о результатах проверки (ст. 5 Закона РФ от 26 июня 1992 г. №3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [5]). Здесь может проверяться добропорядочность кандидата, его характеристика с прежнего места работы, наличие неблагонадежных связей и т.п. Несмотря на то, что с 2002 года в работе квалификационных коллегий при назначении судей на должность участвуют представители общественности, их возможности повлиять на отбор судей минимальны, и нет никаких гарантий, что кандидаты с лучшими профессиональными характеристиками смогут обойти тех, кого патронирует председатель суда. «При отборе судей на вакантные должности решающая роль отводится председателям судов и лишь в исключительных случаях квалификационные коллегии принимают решения, противоречащие мнению председателя того суда, где открылась вакантная должность» [6].

Второй фильтр — «президентский», когда претендентов проверяет Комиссия по предварительному рассмотрению кандидатур на должность федеральных судей при Президенте РФ. Обращает на себя внимание то, что в составе указанной Комиссии большая роль вновь отводится представителям правоохранительных органов, включая заместителя

Генерального прокурора, заместителя Министра внутренних дел, первого заместителя директора ФСБ [7]. При этом критерии, по которым отклоняют кандидатуры, нигде четко не регламентированы и крайне размыты. Преодолеть такой фильтр, очевидно, легко могут заручившиеся поддержкой бывшие сотрудники правоохранительной системы, в то время как кандидаты, имевшие в прошлом некоторые конфликты с правоохранителями, могут столкнуться с трудностями.

Еще одна актуальная проблема – это фактическая подконтрольность судей председателю суда. Несмотря на то, что председатель суда, согласно ст. 35 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [8], осуществляет преимущественно организационные полномочия и ведает хозяйственными вопросами, на практике от него во многом зависит карьера конкретного судьи. У председателя суда имеются полномочия по распределению обязанностей между судьями, поощрению работников аппарата суда или привлечению их к дисциплинарной ответственности. Особенно значимо право председателя суда инициировать дисциплинарное производство в отношении судьи, по итогам которого квалификационная коллегия может снять судью с должности. Это может произойти, например, в случае нарушения судьей Кодекса судейской этики, который содержит множество довольно общих формулировок типа «судья должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи» или «судье следует воздерживаться от публичных заявлений или замечаний, которые могут причинить ущерб интересам правосудия, его независимости и беспристрастности» [9]. Подобные формулировки не определяют с необходимой четкостью и полнотой границы дозволенного и недопустимого в профессиональной деятельности судьи.

Наконец, давление на судью могут оказать правоохранительные органы. Дело в том, что в сложившейся системе уголовного судопроизводства по сути не допускается право правоохранительных органов на добросовестную ошибку. Стойко укоренилось мнение о том, что если по делу вынесен оправдательный приговор, то это означает, что оперативники, следователи и прокуроры сработали плохо. В свою очередь, это может повлечь для них лишение премий, выговоры со стороны начальства и другие неприятности. Стоит такому повториться, и может начаться межведомственный конфликт. Руководители органов дознания или органов следствия могут обратить внимание председателя суда на судью, который выносит оправдательные приговоры. Суды субъектов стараются избегать таких конфликтов, поэтому в апелляции оправдательные приговоры могут быть отменены. Судьи также стараются не допускать сомнений в своем профессионализме из-за «нестандартных» приговоров, которые в последующих инстанциях всё равно будут отменены, поэтому они

порой интуитивно выносят решения, которые удовлетворяют сторону обвинения.

Всё это обуславливает такой широко известный феномен российского правосудия, как «обвинительный уклон». Многие исследователи отмечают, что данное явление в обществе порой принято гиперболизировать, поскольку подавляющее большинство дел, по которым выдвигаются необоснованные обвинения, прекращаются еще на стадии предварительного расследования, не доходя до суда. Поэтому официальный низкий процент оправдательных приговоров не отражает реального положения дел. Тем не менее, факт остается фактом: по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в России за 2022 год доля оправдательных приговоров составила 0,33%, то есть на каждые 300 приговоров приходился лишь один оправдательный. Всего за 2022 год было осуждено около 614 725 человек, оправдательные приговоры получили порядка 2060 подсудимых [10].

Однако существует еще одна причина такого явления, как «обвинительный уклон», которая связана с действующим порядком рассмотрения уголовных дел. Производство по уголовному делу – это не только то, что происходит в зале судебного заседания: допросы свидетелей и экспертов, просмотр видеозаписей, изучение и оценка вещественных доказательств и т. п. Уголовное дело – это, в том числе, набор определенных документов, с которыми судье предстоит работать и на их основании принимать решение. В свою очередь, этот набор, как правило, формируется следователем в ходе предварительного расследования преступления. Именно следователь собирает и первоначально изучает вещественные доказательства, получает показания свидетелей и иных лиц, на основании чего выдвигает следственные версии и приходит к выводу, виновен подозреваемый или нет, принимая активное участие в решении главного вопроса уголовного дела. По итогам проведенного расследования следователь составляет обвинительное заключение, которое нередко становится чем-то вроде черновика будущего судебного решения. В тексте обвинительного заключения указываются все данные об основных участниках процесса, раскрывается существо обвинения, описываются обстоятельства совершения преступления, перечисляются и оцениваются все собранные доказательства, содержатся ссылки на все необходимые нормы закона. Может даже сложиться впечатление, что истина по делу уже установлена, поэтому судьи зачастую соглашались с тем, что написал следователь. Тогда судье останется лишь переписать обвинительное заключение в судебное решение и назначить наказание.

Даже в той ситуации, когда обвинительное заключение следователя кажется неполным, необоснованным и необъективным, судья, скорее всего, не будет спешить с опровержением приводимых в нем доводов. Для этого судье нужно сформулировать подробные и аргументированные возражения, а это намного сложнее, чем просто согласиться со следователем. Чтобы составить оправдательный приговор, судье необходимо

затратить намного больше времени и интеллектуальных усилий. Поэтому судья зачастую банально идет по пути наименьшего сопротивления и копирует в приговор текст обвинительного заключения. Получается полная противоположность принципа презумпции невиновности: человек по умолчанию считается виновным, а чтобы его оправдать, придется приложить огромные усилия. Отсюда получается статистика, согласно которой, по данным на 2016 год, судья районного суда в среднем выносил один оправдательный приговор за семилетний период, за который он успевал рассмотреть около 500 уголовных дел [11].

По-прежнему актуальной проблемой российской судебной системы остаются крайне редкие случаи рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей. Согласно ч. 5 ст. 32 Конституции РФ граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия (в настоящее время формами такого участия выступают рассмотрение дел судами с участием присяжных и арбитражных заседателей).

Многими исследователями отмечается, что единоличное рассмотрение дела одним судьей – это далеко не оптимальная форма отправления правосудия, поскольку отсутствует сдерживающий фактор для профессиональных судей [12, с. 87]. Судья подвержен обычным человеческим слабостям, например, он может быть ленивым, невнимательным, иметь предубеждение против конкретного подсудимого и т. п. Для того, чтобы избежать всего этого как раз и существует суд присяжных. Суд присяжных эффективен сразу по нескольким причинам. Во-первых, входящие в него представители общественности никак не зависят от правоохранительных органов, а судейское руководство не может повлиять на их карьеру. Присяжные могут объективно оценивать и аргументы обвинения, и аргументы защиты. Если присяжные видят, что преступления как такового не было, что совершил его не подсудимый, что деяние не представляет общественной опасности, то во всех этих случаях они могут оправдать человека, не опасаясь давления со стороны. Во-вторых, само увеличение числа судей увеличивает их шансы на всестороннее рассмотрение дела. Очевидно, если одним делом заняты несколько лиц, снижается нагрузка на одного судью и расширяются возможности изучить все обстоятельства дела, а эффективность такого рассмотрения будет гораздо выше. В-третьих, суд присяжных имеет возможность смягчать противоречивость действующего законодательства. В том случае, если законодатель принимает какой-нибудь негуманный, «неправовой» закон, то прежде чем подвергнуть наказанию человека за нарушение такого закона, необходимо будет убедить группу независимых граждан в справедливости такого наказания, поскольку последнее слово останется за присяжными.

В настоящее время количество дел, рассматриваемых судом присяжных, незначительно. Примечательно, что эти результаты заложены изначально уголовно-процессуальным законом, допускающим такой порядок лишь в определенных случаях. По

данным Института проблем правоприменения, в 2022-м году с участием граждан районными судами было рассмотрено всего 830 дел [13]. То есть на суд присяжных приходится менее 1% всех рассмотренных судами уголовных дел. При этом статистика показывает, что в судах с участием присяжных уровень оправдания подсудимых в первой инстанции оказывается намного выше обычного. Такое различие объясняют склонностью присяжных больше руководствоваться ценностями, настроениями и представлениями, сложившимися в обществе, нежели формальными правовыми нормами [14].

Таким образом, становится очевидным, что сложившаяся в России судебная система пока еще далека от идеала, и ее реформирование должно стать одной из приоритетных задач современного этапа укрепления Российского правового государства. В зарубежной практике и отечественной науке уже выработаны различные предложения на этот счет. Так, предлагается создание независимого от других ведомств центра подготовки судей и упрощение процедуры их назначения, чтобы сделать ее более прозрачной. Многими юристами и бывшими работниками судебных органов предлагается сократить административные полномочия председателей судов, оставив за ними лишь хозяйственные полномочия. Кроме того, предлагается сократить срок пребывания председателя суда на своем посту и ввести процедуру его избрания непосредственно коллективом суда. Наконец, исследователи рекомендуют лишать судей их полномочий лишь в исключительных случаях и применять в первую очередь более мягкие дисциплинарные меры [15, с. 55].

Опираясь на положительный опыт прошлого и используя показавшие свою эффективность практики настоящего, отечественному законодателю предстоит выработать шаги по ликвидации существующих проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гринева Л. П. Судебные акты высших судов РФ как источник права социального обеспечения // Современное научное знание в условиях системных изменений: сборник трудов конференции. – Омск, 2022. – С. 148-152.
2. Архипов П. С. Проблемы реализации принципа независимости судебной власти в современной России // Universum: экономика и юриспруденция. – 2022. – № 2 (89). – С. 10-12.
3. Волков В. В., Дмитриева А. В., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование. – СПб.: Ин-т проблем правоприменения Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – 60 с.
4. Информационный портал ZASUDILI.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zasudili.ru/news/issledovanie_kto-obychno-stanovitsya-sudyami-i-kakie-sudy-v-

rossii-chashche-vynosyat-opravdatelnye-/ (дата обращения: 15.12. 2023).

5. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. №3132-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 10.12.2023).

6. Интернет-издание «Ведомости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/03/22/754530-vibor-sudei> (дата обращения: 15.12.2023).

7. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий: Указ Президента РФ от 17 февраля 2021 г. № 97 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102169522&backlink=1&&nd=602030538> (дата обращения: 10.12.2023).

8. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/ (дата обращения: 10.12.2023).

9. Кодекс судейской этики. Утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ssrf.ru/dokumenty/pravovaia-osnova/49129> (дата обращения: 30.11.2023).

10. Интернет-издание «Ведомости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/04/20/971743-300-prigovorov-odin-opravdatelni>.

11. Официальный сайт Института проблем правоприменения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://enforce.spb.ru/products/other-publications/6731-6731-i> (дата обращения: 19.12.2023).

12. Силкин И. А. Проблемы развития судебной власти в современной России // Мировая наука. – 2022. – № 2 (59). – С. 83-88.

13. Официальный сайт Института проблем правоприменения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://enforce.spb.ru/images/jury_trials_2022.pdf (дата обращения: 18.12.2023).

14. Информационный портал «Если быть точным» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://surl.li/ofcoe> (дата обращения: 18.12.2023).

15. Камилова З. С. Судебная система Российской Федерации: основные проблемы и пути совершенствования // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 1. – С. 54-56.

ЛОМШИНА К. Ю., СУХОВА О. А.

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПРИ ПЕРЕСМОТРЕ ИТОВЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. Складывающаяся в современных условиях практика апелляционного рассмотрения уголовных дел указывает на несовершенство законодательной регламентации в УПК РФ данного порядка применительно к итоговым судебным решениям. По мнению авторов, причина этого в том, что закон не предусматривает обязательное проведение судебного следствия в суде апелляционной инстанции. Введение судебного следствия в качестве обязательного элемента структуры судебного заседания суда апелляционной инстанции будет способствовать достижению задач апелляционного производства, реализации участниками этой стадии уголовного процесса своих прав и законных интересов, а в конечном счете – достижению назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: апелляция, доказательства, судебное следствие, непосредственное исследование доказательств, проверка доказательств, итоговые судебные решения.

LOMSHINA K. YU., SUKHOVA O. A.

JUDICIAL INVESTIGATION IN THE COURT OF APPEAL WHEN REVIEWING FINAL COURT DECISIONS IN CRIMINAL CASES

Abstract. The current practice of criminal appeals indicates the imperfection of legislative regulation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of this procedure in relation to final court decisions. The authors of the article believe that the reason for this is that the law does not provide for a mandatory judicial investigation in the court of appeal. The introduction of the judicial investigation as a mandatory element of the structure of the trial in the court of appeal will help achieve the objectives of the appeal proceedings, the realization by participants of this stage of the criminal process of their rights and legitimate interests, and ultimately – the achievement of the purpose of criminal proceedings.

Keywords: appeal, evidence, judicial investigation, direct examination of evidence, verification of evidence, final court decisions.

Исходя из ч. 1 ст. 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в соответствии с главами 35-39 УПК РФ, в порядке, установленном для суда первой инстанции, однако с изъятиями, предусмотренными гл. 45.1 УПК РФ. Отсюда при пересмотре судебного решения в апелляционном порядке реализуются порядок проведения судебного следствия согласно гл. 37 УПК РФ и правило о непосредственном исследовании

доказательств (ст. 240 УПК РФ), что предопределило и право суда апелляционной инстанции вынести по уголовному делу новый приговор (ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ).

Апелляционное производство является единственной «проверочной стадией» уголовного судопроизводства, в рамках которой при пересмотре итоговых судебных решений вышестоящим судом могут устанавливаться фактические обстоятельства по уголовному делу. Для этого УПК РФ наделил суд апелляционной инстанции полномочиями по проверке и оценке как ранее исследованных судом первой инстанции, так и новых доказательств, а также правом разрешения уголовного дела по существу путем вынесения апелляционного приговора по результатам рассмотрения уголовного дела. Наряду с этим законодатель устанавливает пределы уголовно-процессуального доказывания в суде апелляционной инстанции, что обусловлено проверочным характером стадии апелляционного производства.

Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 608-ФЗ [2] был внесен ряд изменений в УПК РФ, которые направлены на разграничение апелляционного порядка пересмотра промежуточных и итоговых судебных решений. При этом вполне оправданным представляется упрощение законодателем процедуры судебного заседания при пересмотре промежуточных судебных решений, которая теперь не предусматривает проведение судебного следствия, прений сторон и предоставление последнего слова лицу, в отношении которого проверяется судебное решение.

Применительно же к пересмотру итоговых судебных решений законодатель, казалось бы, сохранил такой этап судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции как судебное следствие, в рамках которого возможно исследование доказательств по правилам главы 37 УПК РФ (то есть по правилам, характерным для суда первой инстанции). Вместе с тем, по сравнению с прежней редакцией УПК РФ, судебное следствие в суде апелляционной инстанции теперь не является обязательным элементом, всегда следующим за подготовительной частью судебного заседания, а поэтому не включает в себя доклад судьи и выступления участников стороны, подавшей апелляционные жалобу, представление, и возражения другой стороны, которые оказались выведенными за рамки судебного следствия. Такие элементы структуры судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции как подготовительная часть и судебное следствие по действующему УПК РФ не конкретизированы, однако в рамках нее в обязательном порядке сохранены прения сторон и последнее слово лица, в отношении которого проверяется судебное решение.

Между тем полагаем, что при пересмотре итоговых судебных решений судебное следствие должно являться обязательной центральной частью судебного разбирательства по уголовному делу в апелляционном порядке, в рамках которой должен реализовываться порядок непосредственного исследования доказательств, а сторонам предоставляться равные

возможности изложить суду свою позицию, участвовать в исследовании имеющихся по делу и вновь представленных ими доказательств. Иначе апелляционное производство вовсе утрачивает свою правовую природу и предназначение, предполагающие повторное рассмотрение судом апелляционной инстанции уголовного дела с непосредственным исследованием доказательств и возможностью вынесения нового судебного решения. Учитывая, что по действующему УПК РФ апелляционное производство – это производство в вышестоящем суде по проверке законности, обоснованности и справедливости решений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу, которое не дублирует производство в суде первой инстанции, то и судебное следствие здесь должно отличаться от того, которое регламентировано главой 37 УПК РФ. Однако это указывает лишь на специфику судебного следствия в суде апелляционной инстанции и не может предполагать возможность его отсутствия как такового.

Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции предусмотрены в ст. 389.13 УПК РФ, содержащей исключения из общих правил доказывания, установленных для суда первой инстанции. Согласно данной статье, суд апелляционной инстанции при пересмотре итогового судебного решения осуществляет исследование (проверку) доказательств (ч.ч. 4.2–6.1 ст. 389.13 УПК РФ), в ходе которой:

- рассматривает ходатайства об исследовании доказательств, которые уже были исследованы судом первой инстанции, а также новых доказательств, заявленные сторонами в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 389.6 УПК РФ. В случае удовлетворения соответствующих ходатайств сторон либо по собственной инициативе суд апелляционной инстанции проводит судебное следствие (ч. 4.2 ст. 389.13 УПК РФ);

- могут быть допрошены свидетели и лица, в отношении которых уголовные дела выделены в отдельное производство в связи с заключением с ними досудебного соглашения о сотрудничестве, допрошенные в суде первой инстанции, если суд признает их вызов необходимым (ч. 5);

- могут быть приняты новые доказательства, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными (ч. 6.1);

- ходатайства сторон об исследовании доказательств и о вызове в этих целях в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц разрешаются судом в порядке, установленном ч.ч. 1 и 2 ст. 271 УПК РФ, и суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства только на том основании, что оно не было удовлетворено судом первой инстанции (ч. 6).

Вместе с тем в ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ предусмотрена возможность с согласия сторон

рассмотреть апелляционные жалобы (представления) без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции.

Несмотря на то, что наличие судебного следствия в суде апелляционной инстанции является отражением сущности института апелляции, следует признать, что в судебной практике непосредственное исследование доказательств в суде апелляционной инстанции является исключением, нежели правилом. Суды апелляционной инстанции чаще всего избегают проведения непосредственного исследования доказательств, отказывают в удовлетворении ходатайств сторон об исследовании ранее исследованных судом первой инстанции и (или) новых доказательств, в связи с чем теряется смысл, заложенный в институт «апелляции».

Как справедливо в этой связи обращал внимание А. В. Смирнов, «если апелляционный суд ради экономии времени, либо ввиду представляющейся ему совершеннейшей ясности дела, либо по каким-нибудь иным причинам и вовсе откажется от проведения судебного следствия, то результатом подобного упрощенчества неминуемо явится то, что новый приговор будет выноситься по одним лишь письменным материалам, т.е. опять явится плодом “кабинетной юстиции”» [3].

Между тем именно «на основе письменных материалов уголовного дела, при фактическом отсутствии судебного следствия на практике в подавляющем большинстве случаев и рассматриваются уголовные дела в апелляционном порядке. Более того, рассмотрение судом апелляционной инстанции уголовного дела лишь по письменным материалам неминуемо вовсе приведет к исключению на практике возможности постановления апелляционных приговоров, которые и так являются редкостью» [4, с. 309].

В ст. 389.13 УПК РФ законодателем применительно к апелляционному производству используются термины «исследование доказательств» и «проверка доказательств». В этой связи заслуживает поддержки мнение В. М. Быкова о том, что «в норме закона должна идти речь об исследовании доказательств, так как задача апелляционного суда – повторно исследовать представленные в суд доказательства ... Для принятия решения по делу суд апелляционной инстанции должен вновь допросить потерпевшего, осужденного и свидетелей, а также огласить их показания, данные в суде первой инстанции. Если указанные лица не допрошены и их показания не оглашены, то суд апелляционной инстанции не может по смыслу закона обосновать этими показаниями свои выводы по уголовному делу, в том числе и о законности и обоснованности приговора суда первой инстанции» [5, с. 57]. Следует согласиться и с мнением автора о том, что норма, закрепленная в ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ, предусматривающая право апелляционного суда с согласия сторон рассмотреть жалобу (представление) без проверки доказательств, «представляет угрозу интересам сторон,

поскольку получить такое согласие сторон для суда апелляционной инстанции не представляет большого труда, так как стороны могут просто не понимать, какое отрицательное значение в дальнейшем для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора может иметь данное ими согласие не исследовать доказательства повторно в апелляционном суде» [5, с. 58]. К тому же, как показывает практика, стороны в суде апелляционной инстанции редко заявляют ходатайства об исследовании доказательств, либо, если и заявляют, надлежало их не мотивировать, не могут подтвердить уважительность причин непредставления новых доказательств в суд первой инстанции. Кроме того, нередко стороны после настойчивых вопросов суда апелляционной инстанции о том, с какой целью они настаивают на исследовании ранее уже исследованных судом первой инстанции доказательств, часто отказываются от изначально проявленной ими инициативы.

На необходимость исследования доказательств судом апелляционной инстанции указывают и другие авторы, с которыми считаем возможным согласиться. Так, как отмечают В. П. Смирнов и А. В. Кудрявцева, «любая переоценка доказательств апелляционным судом требует их исследования в суде, хотя бы путем оглашения и обязательного заслушивания мнения сторон по оценке доказательств» [6, с. 52]. По мнению А. А. Плашевской, «современной российской апелляции должно быть свойственно новое исследование уже имеющихся доказательств. Отказ от такого исследования должен быть связан исключительно с обоюдным желанием сторон судебного заседания... Что касается возможности предоставления новых доказательств в суде апелляционной инстанции, то здесь применительно к самому суду должны действовать правила, аналогичные суду первой инстанции...» [7, с. 57]. Как полагает В. Н. Курченко, суд апелляционной инстанции «способен дать объективную оценку, проверить достоверность, относимость, допустимость и достаточность доказательств лишь путем их непосредственного восприятия и не может переоценить доказательства без их исследования» [8, с. 6].

Как полагает Г. Я. Борисевич, «в уголовном процессе суд апелляционной инстанции не подменяет собой суд первой инстанции. Апелляционное производство является не повторным рассмотрением дела в суде вышестоящей инстанции, а формой реализации контроля апелляционного суда за законностью отправления правосудия судом первой инстанции» [9, с. 2440]. С этим мнением можно согласиться лишь отчасти. В свою очередь полагаем, что к деятельности суда апелляционной инстанции правильнее применять термин «проверка правосудности судебных решений», нежели «контроль», а с другой стороны, повторное рассмотрение уголовного дела судом апелляционной инстанции должно быть вполне допустимым, когда для этого имеется необходимость. УПК РФ позволяет суду апелляционной инстанции непосредственно исследовать все доказательства, которые ранее

были исследованы судом первой инстанции, а также новые доказательства, представленные сторонами, то есть провести полноценное судебное следствие.

По мнению К. В. Малыгина, непосредственное исследование доказательств в суде апелляционной инстанции обязательно, «когда проверка правосудности судебного решения, с учетом доводов апелляционной жалобы (представления), исключительно по результатам судебного следствия в суде первой инстанции невозможна» [10, с. 95]. Тем самым автор, по сути, отмечает, что обязательным судебное следствие может быть не всегда, а лишь в определенных случаях, когда это необходимо, например, «для уяснения содержания ранее исследованного доказательства по причине спора о правильности (полноте) его изложения в протоколах судебного заседания или следственных действий; устранения допущенных судом первой инстанции нарушений уголовно-процессуального закона в области доказывания; проверки значимых для дела обстоятельств, которые не были проверены судом первой инстанции; принятия судом апелляционной инстанции в соответствии с ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ нового доказательства» [10, с. 96].

В свете действующего уголовно-процессуального законодательства вполне закономерным является вопрос о том, насколько целесообразно было в УПК РФ ставить возможность проведения судебного следствия в суде апелляционной инстанции при пересмотре итоговых судебных решений в зависимости от того, усматривают ли в этом необходимость стороны и (или) сам суд апелляционной инстанции. Ведь именно с этим были связаны законодательные изменения, на которые нами обращено внимание выше.

Полагаем, что необходимо вернуть судебному следствию в суде апелляционной инстанции при пересмотре итоговых судебных решений статус обязательного элемента структуры судебного разбирательства в этой стадии уголовного процесса. Судебное следствие, независимо от того, имеется или не имеется реальная необходимость повторно непосредственно исследовать доказательства в суде апелляционной инстанции, представлены либо не представлены в указанный суд новые доказательства, должно входить в структуру судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции, поскольку все вопросы относительно исследования доказательств должны решаться именно на этом этапе судебного заседания, а не до него.

Вопрос о возможности рассмотрения судом апелляционной инстанции уголовного дела без исследования доказательств либо с частичным или полным их исследованием должен решаться в ходе судебного следствия и, как полагаем, должен быть рассмотрен только с выяснением мнений обеих сторон в судебном процессе. При этом выступления участников стороны, подавшей апелляционные жалобу, представление, и возражения другой стороны должны быть также частью судебного следствия. В УПК РФ сторонам следует предоставить

возможность выступить не только в начале судебного следствия в апелляционной инстанции по доводам своих жалоб и представлений, возражений, но и по итогам исследования доказательств, как ранее исследованных судом первой инстанции, так и вновь представленных на стадии апелляционного производства. Это будет способствовать защите их прав и законных интересов на этой стадии уголовного процесса. Кроме того, в УПК РФ следует предусмотреть возможность проведения непосредственного исследования доказательств и по ходатайствам сторон, которые заявлены непосредственно в ходе заседания суда апелляционной инстанции (а не только в рамках поданных жалоб и представлений).

С учетом изложенного, представляется некорректной законодательная норма, содержащаяся в ч. 4.2 ст. 389.13 УПК РФ, согласно которой суд апелляционной инстанции в случае удовлетворения ходатайств сторон об исследовании доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции, а также новых доказательств, либо по собственной инициативе проводит судебное следствие. Приведенная норма прямо указывает на то, что переход от подготовительной части судебного заседания в суде апелляционной инстанции к судебному следствию обусловлен наличием ходатайства стороны либо собственной инициативой суда. При этом, как вытекает из п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 (в ред. от 27 июня 2023 г.) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» [11], «если сторонами не заявлялись ходатайства об исследовании доказательств и судом не принималось решение о необходимости их исследования по собственной инициативе, то суд, исходя из положений ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ, рассматривает апелляционные жалобу или представление без проведения судебного следствия». В этом случае после выступлений сторон и получения согласия сторон относительно рассмотрения уголовного дела без проверки доказательств суд апелляционной инстанции переходит к судебным прениям. Однако такой порядок рассмотрения уголовного дела ничем не отличается от кассационного порядка, для которого, в силу его правовой природы, не характерно проведение судебного следствия.

Как отмечается в п. 13 того же постановления Пленума Верховного Суда РФ, «в целях вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора или иного судебного решения суд апелляционной инстанции оказывает содействие сторонам в собирании и представлении доказательств путем производства судебных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, в том числе истребования по ходатайству сторон справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений. Представленные суду апелляционной инстанции дополнительные материалы подлежат проверке и оценке в

совокупности с другими доказательствами по делу». Данное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ считаем весьма важным, направленным на практическую реализацию предоставленных сторонам прав на стадии апелляционного производства. Между тем вопрос об истребовании каких-либо документов судом апелляционной инстанции должен также решаться в ходе судебного следствия. В этой связи полагаем, что нельзя ограничивать право сторон заявлять ходатайства об истребовании судом апелляционной инстанции доказательств только путем их отражения в апелляционной жалобе (представлении). В УПК РФ должна быть предусмотрена возможность заявления таких ходатайств и непосредственно в заседании суда апелляционной инстанции.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 обращено внимание на то, что поскольку согласно ч. 5 ст. 389.13 УПК РФ свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, допрашиваются в суде апелляционной инстанции, если суд признает их вызов необходимым, при принятии решения о допросе таких свидетелей суду следует исходить из того, будут ли их показания иметь значение для вывода суда о законности, обоснованности и справедливости обжалуемых приговора или иного судебного решения. Полагаем, что такое уточнение следовало бы прямо предусмотреть в УПК РФ, поскольку на практике суды апелляционной инстанции чаще всего отказывают в удовлетворении ходатайства стороны об исследовании доказательств, ранее исследованных судом первой инстанции, о допросе ранее допрошенных в суде первой инстанции свидетелей, мотивируя свой отказ тем, что «все доказательства в достаточной степени исследованы в суде первой инстанции и им дана надлежащая оценка», что указывает на формальный подход. Однако «непосредственно заслушанные судом апелляционной инстанции показания свидетелей, специалистов, экспертов и других участников могут восприниматься иначе, выглядеть более убедительными и полноценными, нежели те, содержание которых уясняется из протокола судебного заседания и протоколов допросов, составленных в рамках предварительного расследования» [4, с. 310]. Наряду с этим в УПК РФ следует предусмотреть и то, что, в случае отказа в удовлетворении указанных ходатайств суд апелляционной инстанции в своем решении должен обосновать, почему, по его мнению, показания свидетелей, о допросе которых ходатайствовали стороны, не имеют значения для вывода вышестоящего суда о правосудности (неправосудности) обжалуемого итогового судебного решения. Такая законодательная норма обеспечит соответствующие гарантии и при проверке законности решения суда апелляционной инстанции в кассационном порядке.

Необходимо отметить, что отдельные законодательные формулировки УПК РФ уже изначально предопределяют, что суд апелляционной инстанции склонен проверять законность, обоснованность и справедливость обжалованного судебного решения лишь по

имеющимся письменным материалам уголовного дела, без исследования доказательств, в связи с чем деятельность сторон по сути сводится лишь к реализации права апелляционного обжалования, а их участие в заседании суда апелляционной инстанции является формальностью. Поэтому для усиления гарантий прав участников стадии апелляционного производства в действующем УПК РФ следует не только предусмотреть обязательность проведения судебного следствия при пересмотре в апелляционном порядке итогового судебного решения, но и обязанности суда апелляционной инстанции по созданию сторонам надлежащих условий для реализации их права на непосредственное исследование как ранее исследованных судом первой инстанции доказательств, так и новых доказательств, а также его обязанность непосредственно исследовать доказательства в тех случаях, когда проверка законности, обоснованности и справедливости судебного решения только на основе имеющихся письменных материалов уголовного дела, исключительно по результатам проведения судебного следствия в суде первой инстанции, без собственного исследования доказательств и установления фактических обстоятельств уголовного дела невозможна. Судебное следствие при пересмотре в апелляционном порядке итоговых судебных решений из формальной процедуры, каковой оно фактически является на практике, должно превратиться в такой элемент судебного заседания в суде апелляционной инстанции, который бы создавал реальные гарантии защиты прав личности, учитывал условия реализации этих прав в суде первой инстанции и максимально обеспечивал возможности их осуществления (а не ограничения) в процессуальных условиях рассмотрения уголовного дела более авторитетным судом, каковым является суд апелляционной инстанции.

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что при пересмотре в апелляционном порядке итоговых судебных решений обязательное проведение судебного следствия будет способствовать достижению задач апелляционного производства, реализации участниками этой стадии уголовного процесса своих прав и законных интересов, и в конечном счете – достижению назначения уголовного судопроизводства, обозначенного в ст. 6 УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (по состоянию на 10 декабря 2023 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.12.2023).
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 608-ФЗ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа:

<https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.12.2023).

3. Смирнов А. В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: апелляция. 2011 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.12.2023).
4. Сухова О. А. Судебное следствие в рамках производства по уголовному делу в апелляционной инстанции: проблемы законодательной регламентации и практической реализации // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 307-312.
5. Быков В. М. Особенности исследования доказательств в суде апелляционной инстанции // Российская юстиция. – 2017. – № 3. – С. 56-60.
6. Кудрявцева А. В., Смирнов В. П. Процессуальный порядок рассмотрения уголовных дел и материалов в апелляционной инстанции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – Т. 14. – № 2. – С. 46-55.
7. Плашевская А. А. Порядок исследования доказательств судом апелляционной инстанции по УПК РФ // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 3. – С. 55-60.
8. Курченко В. Н. Судебная ошибка: ответственность, но не право // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 3 (111). – С. 4-17.
9. Борисевич Г. Я. Нарушения уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, неустраняемые в суде апелляционной инстанции // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 11 (48). – С. 2436-2443.
10. Малыгин К. В. Информатизация процесса доказывания в суде апелляционной инстанции по уголовным делам // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2022. – № 1 (44). – С. 88-97.
11. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 (в ред. от 27 июня 2023 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.12.2023).

ЛАРЬКИН Г. О., ЦЫНАЙКИН К. Н., КРЫСИНА Н. Р.

**ОСМОТР ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Аннотация. Рассмотрены сущность, содержание и значение осмотра предметов и документов в системе процессуальных действий в российском уголовном процессе. На основе правоприменительной практики анализируются нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые при производстве осмотра предметов и документов в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу.

Ключевые слова: осмотр предметов, осмотр документов, процессуальное действие, нарушения уголовно-процессуального закона.

LARKIN G. O., TSYNAIKIN K. N., KRYSSINA N. R.

**INSPECTION OF OBJECTS AND DOCUMENTS
IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE**

Abstract. The essence, content and significance of the inspection of objects and documents in the system of procedural actions in the Russian criminal procedure are considered. On the basis of law enforcement practice, violations of the criminal procedure law during the inspection of objects and documents during pre-trial and judicial proceedings in a criminal case are analyzed.

Keywords: inspection of objects, inspection of documents, procedural action, violations of criminal procedure law.

Осмотр – процессуальное действие, которое проводится как в ходе досудебного, так и судебного производства по уголовному делу, выступая, соответственно, как следственное действие и как судебное действие.

Одним из видов осмотра является осмотр предметов и документов.

В научной литературе осмотр предметов и документов определяется как следственное действие, состоящее в непосредственном наблюдении и восприятии следователем с участием иных лиц предметов и документов, с целью обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Процессуальная природа осмотра едина как для следственного, так и для судебного действия. Судебные действия, предусмотренные главой 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ), осуществляются в целях непосредственного исследования доказательств в условиях судебного разбирательства (в соответствии с ч. 1 ст. 240 УПК РФ). В научной литературе под судебными действиями в уголовном судопроизводстве понимаются производимые непосредственно судом совместно со сторонами и в присутствии иных лиц

уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [2, с. 15]. Судебные действия, предусмотренные главой 37 УПК РФ, в научной литературе предлагается именовать судебными действиями следственного характера [3, с. 4; 4, с. 7]. Судебные действия следственного характера осуществляются в целях собирания, проверки и оценки доказательств, поэтому они могут быть проведены впервые в судебном разбирательстве. Например, осмотры в судебном разбирательстве – это не только повторные осмотры тех объектов, которые ранее были осмотрены в ходе предварительного расследования, но и первоначально реализуемые в суде осмотры, направленные на собирание доказательств, а не только проверку и оценку уже собранных в ходе предварительного расследования доказательств.

Глава 37 УПК РФ предусматривает проведение в судебном разбирательстве в ходе судебного следствия следующих видов осмотра: осмотр вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ), осмотр местности и помещения (ст. 287 УПК РФ). В ходе же предварительного расследования ч. 1 ст. 176 УПК РФ предусматривает следующие виды осмотра (как следственного действия): осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов. В связи с этим возникает вопрос: могут ли в ходе судебного следствия производиться все виды осмотра, и, в частности, осмотр предметов и документов. В научной литературе по данному вопросу есть несколько точек зрения, в частности, виды осмотра в ходе судебного следствия конкретизируются следующим образом:

- осмотр вещественных доказательств – это фактически осмотр предметов и документов, признанных вещественными доказательствами;
- осмотр местности и помещения не исключает осмотр жилища, так как оно тоже относится к помещениям.

Признание возможности проведения в судебном разбирательстве всех видов осмотра требует совершенствования уголовно-процессуального регулирования порядка судебного следствия [4, с. 50]. Так, С. Б. Россинский считает необходимым распространить действие ст. 284 УПК РФ не только на осмотры вещественных доказательств, но и на осмотры любых других предметов, представленных в судебном заседании сторонами или истребованных (обнаруженных) судом самостоятельно, а также предлагает дополнить ст. 285 УПК РФ частью третьей, предусматривающей возможность проведения в судебном заседании осмотра документов [2, с. 16]. Отдельные исследователи также указывают на случаи проведения на практике в ходе судебного следствия видов осмотра, прямо не предусмотренных главой 37 УПК РФ, например, осмотра трупа [5, с. 15] и др.

Сравнительно-правовой анализ современного уголовно-процессуального законодательства выявил разные подходы к регулированию осмотра предметов и документов. Например, Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ [6] (далее – Модельный УПК СНГ) предусматривает осмотр предметов, не выделяя самостоятельный осмотр документов. В то же время можно предположить, что осмотр документов осуществляется в рамках осмотра предметов. В соответствии с Модельным УПК СНГ в судебном разбирательстве производится осмотр вещественных доказательств (ст. 395) и осмотр местности и помещения (ст. 397). Причем объектом осмотра вещественных доказательств могут быть как вещественные доказательства, полученные в ходе предварительного расследования, так и предметы, представленные сторонами в судебном заседании и признанные судом вещественными доказательствами.

Уголовно-процессуальное законодательство большинства стран СНГ (например, УПК Казахстана [7], УПК Беларуси [8] и др.) выделяет непосредственно и осмотр предметов, и осмотр документов.

В отечественном уголовном процессе проведение осмотра в судебном разбирательстве закреплял Устав уголовного судопроизводства 1864 г., предусматривавший перечень судебных действий как средств познания судом обстоятельств уголовного дела. Также суд имел возможность поручить производство некоторых судебных действий судебным следователям. В советский период действовавшие УПК РСФСР сначала предусматривали отсылочные нормы, которые регламентировали производство судебных действий по правилам следственных, но постепенно уголовно-процессуальный закон стал отдельно выделять судебные действия и закреплять особенности их производства (УПК РСФСР 1960 г.).

УПК РФ выделяет осмотр вещественных доказательств в судебном разбирательстве, который производится по ходатайству сторон (ч. 1 ст. 284), но, согласно определению Конституционного Суда РФ № 1165-О-О от 13 октября 2009 г. [9], эти положения закона не исключают производства осмотра вещественных доказательств и по инициативе суда.

Анализ правоприменительной практики позволяет указать на следующие нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые при проведении осмотра предметов и документов в ходе досудебного производства по уголовному делу.

1) Нарушение требований уголовно-процессуального закона при составлении протокола осмотра предметов, документов. Так, суд признал протокол осмотра документов недопустимым доказательством, так как при его составлении были нарушены положения ч. 7 ст. 166 и ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ: из содержания данного протокола следует, что в производстве осмотра принимали участие понятые, им были разъяснены права, обязанности

и ответственность, однако при этом ход и содержание следственного действия понятыми не удостоверены, поскольку их подписи в протоколе отсутствуют [10].

2) Несоответствие предметов, документов признакам, указанным в протоколе осмотра, например, когда у осмотренного предмета отсутствуют данные, отраженные в протоколе его осмотра. Так, суд признал протокол осмотра диска недопустимым доказательством, поскольку на диске отсутствовала запись, о которой указано в протоколе [11].

3) Нарушение прав участников осмотра предметов, документов. В частности, суд признал недопустимым доказательством протокол осмотра предмета (видеозаписи с камер наблюдения) при участии свидетеля Р., так как он, участвуя в следственном действии в качестве свидетеля, фактически обладал всеми признаками подозреваемого, что недопустимо и привело к нарушению его прав, включая право на защиту [12].

4) Несоблюдение требований ст. 89 УПК РФ. Так, судом признан недопустимым доказательством протокол осмотра предмета (видеозаписи разговора Х. с сотрудником полиции), составленный при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» с использованием негласной аудио-, видеозаписи. Согласно уголовно-процессуальному закону, показания подозреваемого – это сведения, сообщенные им на допросе в соответствии с требованиями ст. 187, 188, 189, 190 УПК РФ; при этом оперативно-розыскные мероприятия не могут подменять следственные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом предусмотрена определенная процессуальная форма. Сведения, сообщенные Х. в ходе оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» в отсутствие предусмотренных УПК РФ гарантий для реализации лицом его процессуальных прав, в том числе, права, предусмотренного ст. 51 Конституции РФ, не могут подменять собой сведения, сообщенные Х. при допросе в качестве подозреваемого в ходе производства по уголовному делу, поэтому они признаются недопустимым доказательством [13].

Неразъяснение процессуальных прав, обязанностей и ответственности участников уголовного процесса часто является основанием признания результатов осмотра предметов, документов недопустимым доказательством. Например, суд исключил из совокупности доказательств по делу протокол осмотра предмета (объяснение А.), поскольку перед дачей объяснений А. не разъяснялись положения ст. 51 Конституции РФ, он не предупреждался об уголовной ответственности [14].

Нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые при производстве осмотра предметов и документов в ходе судебного следствия по уголовному делу:

– необоснованный отказ суда в удовлетворении ходатайства стороны судебного разбирательства об осмотре вещественных доказательств. Например, суд апелляционной

инстанции, проверяя законность и обоснованность приговора районного суда, указал, что отказ в осмотре вещественных доказательств при рассмотрении данного уголовного дела нарушает требования закона, в том числе право стороны обвинения представлять доказательства [15];

– отказ суда осмотреть вещественные доказательства в связи с «отсутствием возможности» (например, из-за продажи предмета, признанного вещественным доказательством, лицом, получившим его на хранение; невозможность осмотра мобильного телефона по причине разряженного аккумулятора и т.д.).

В научной литературе также указывается на такое нарушение, допускаемое при производстве осмотра вещественных доказательств в ходе судебного следствия: осмотр вещественных доказательств носит формальный характер и нередко при осмотре суд просто дословно повторяет содержание протокола осмотра этих объектов в ходе предварительного расследования, что отражено в протоколе судебного заседания [16, с. 107].

Таким образом, анализ правовой природы, значения и содержания осмотра предметов и документов в системе процессуальных действий в российском уголовном процессе, а также результаты изучения правоприменительной практики позволили выявить типичные нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые при проведении такого осмотра в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27 ноября 2023 г.) [Электронный ресурс]. – Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 28.12.2023).
2. Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2015. – 41 с.
3. Стародумов С. В. Судебные действия следственного характера при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2018. – 206 с.
4. Курочкина Ю. С. Осмотры как судебные действия следственного характера: проблемы применения на практике // Теоретические и практические аспекты развития юридической науки: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2017. – С. 48-51.
5. Кузин Е. Б. Совершенствование системы судебных действий следственного

характера в целях обеспечения правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2011. – 25 с.

6. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс: текст с изменениями и дополнениями на 29 ноября 2013 г. Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. [Электронный ресурс]. – Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.12.2023).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: текст с изменениями и дополнениями на 12 сентября 2023 г. Принят Парламентом 4 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#pos=7;-103&pos2=1705;-98 (дата обращения: 28.12.2023).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: текст с изменениями и дополнениями на 17 июля 2023 г. Принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.; одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958#pos=6;-106 (дата обращения: 28.12.2023).

9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2009 г. № 1165-О-О [Электронный ресурс]. – Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.12.2023).

10. Приговор Острогожского районного суда Воронежской области от 12 ноября 2020 г. по уголовному делу № 1-153/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/vLBCgaUiZCrW/> (дата обращения: 28.12.2023).

11. Приговор Буденновского городского суда Ставропольского края от 25 августа 2020 г. по уголовному делу № 1-107/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/IWTafgqY05v/> (дата обращения: 28.12.2023).

12. Приговор Нерюнгринского городского суда Республики Саха от 13 июля 2020 г. по уголовному делу № 1-33/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/whFuShCaTjm4/> (дата обращения: 28.12.2023).

13. Приговор Наримановского районного суда Астраханской области от 29 октября 2020 г. по уголовному делу № 1-121/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/72267SsifM5x/> (дата обращения: 28.12.2023).

14. Приговор Шелаболихинского районного суда Алтайского края от 16 июня 2021 г. по уголовному делу № 1-1/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/91kyi6VU1IJ9/> (дата обращения: 28.12.2023).

15. Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 11 декабря 2019 г. № 22-5615/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/fZtVnJmCj7NN/?ysclid=lr12lheier557104670> (дата обращения: 28.12.2023).
16. Калинкина Л. Д., Васяев А. А. Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 164 с.

ГОРЕЛОВ И. В., СОТКОВА В. В.
НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕЙ И ПОДЧИНЕНИЕ ИХ ТОЛЬКО
КОНСТИТУЦИИ РФ И ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНУ

Аннотация. В статье рассматривается такой важный принцип правосудия как независимость судей и подчиненность их только Конституции РФ и федеральному закону. Проанализированы положения действующего законодательства, в которых закреплён данный принцип, а также определены гарантии, обеспечивающие его практическую реализацию. На основе анализа статистических данных был сделан вывод о том, что в функционировании судебной системы РФ отмечаются определенные трудности, на устранение которых направлена федеральная программа «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы».

Ключевые слова: правосудие, принципы правосудия, судья, независимость судей, судебная система, гарантии независимости судей, федеральная программа «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы».

GORELOV I. V., SOTKOVA V. V.
INDEPENDENCE OF JUDGES AND THEIR SUBORDINATION ONLY
TO THE RUSSIAN CONSTITUTION OF AND FEDERAL LAW

Abstract. The article examines such an important principle of justice as the independence of judges and their subordination only to the Constitution of the Russian Federation and federal law. The provisions of the current legislation that enshrine this principle are analyzed, and guarantees are identified that ensure the practical implementation of the principle. Based on the analysis of statistical data, it was concluded that there are certain difficulties in the functioning of the judicial system of the Russian Federation, which the federal program “Development of the Russian Judicial System for 2013 – 2024” is aimed at eliminating.

Keywords: justice, principles of justice, judge, independence of judges, judicial system, guarantees of independence of judges, federal program «Development of the Russian judicial system for 2013 – 2024».

Правосудие в Российской Федерации осуществляют суды, представленные следующими судебными органами и инстанциями: Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, кассационные суды общей юрисдикции, апелляционные суды общей юрисдикции, верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные суды и др.

В ходе осуществления правосудия все суды опираются на принципы правосудия.

Принципы правосудия – это общие руководящие, исходные положения, определяющие наиболее существенные стороны организации и деятельности судов [5, с. 54].

Одним из важнейших положений, которыми должны руководствоваться судебные органы в своей деятельности, является принцип независимости судей и подчинения их только Конституции РФ и федеральному закону. Сущность данного принципа заключается в том, что никакие государственные органы, должностные лица, общественные организации и иные субъекты не могут повлиять на судей при отправлении ими правосудия. В ходе осуществления своей деятельности судья независим, он выносит решение по делу на основе своих убеждений, требований закона и рассмотрении всех обстоятельств дела в совокупности, и подчиняется лишь Закону.

Данный принцип закреплен в ст. 120 Конституции РФ, в п. 4 ст. 1, ст.ст. 9, 10 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», в ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», в ст.ст. 13, 29 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в ст. 6 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах Российской Федерации», в ст. 5 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», в ст. 8¹ Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), в ст. 8 Гражданского процессуального кодекса РФ, в ст. 5 Арбитражно-процессуального кодекса РФ и т.д., следовательно, он носит общеправовой характер.

В конституционно-правовом смысле рассматриваемый принцип, закрепленный в ст. 120 Конституции РФ [1], означает, что независимый и самостоятельный суд может в условиях разделения властей выступать противовесом законодательной и исполнительной ветвям власти. На судебные органы возложены одновременно право и обязанность самостоятельно, без какого-либо воздействия, разрешать споры, определять необходимые процедуры для рассмотрения и разрешения спора независимо от законодателя, но при условии, что все принятые решения не будут противоречить закону.

Однако наиболее полно свою суть данный принцип раскрывает применительно к судебной процессуальной деятельности. В соответствии со ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [2] судьи, осуществляя правосудие, самостоятельны и независимы «от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и закону». Данная формулировка дополняет содержание ст. 120 Конституции РФ и более точно раскрывает содержание указанного принципа.

Нормы действующего процессуального законодательства, определяющие порядок судопроизводства по уголовным, гражданским, административным делам,

регламентирующие конкретные действия и решения суда на разных стадиях процесса, в целом обеспечивают реализацию принципа независимости судей и подчинения их только Конституции РФ и федеральному закону. Все они «с разных сторон обеспечивают стабильное движение дела по заранее определенному законом направлению, исключают эксцессы, предусматривают процессуальные санкции за неисполнение закона и тем самым создают условия, позволяющие судьям рассматривать и разрешать дела по внутреннему убеждению, опираясь только на проверенные в суде доказательства и независимо от каких-либо внешних воздействий» [8, с. 33].

Для реализации принципа независимости судей действующим законодательством предусмотрен ряд конкретных гарантий.

1. Несменяемость судей – означает, что судей нельзя избрать или перевести на другую должность или в другой суд без согласия самого судьи; судьи осуществляют свои полномочия без какого-либо срока, только по достижению предельного возраста (в судах федерального уровня предельный возраст для судей составляет 70 лет) судьи прекращают осуществление своих полномочий.

2. Право на отставку. В ст. 15 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [3] закреплено, что «отставкой судьи ... признается почетный уход или почетное удаление судьи с должности. За лицом, пребывающим в отставке, сохраняются звание судьи, гарантии личной неприкосновенности и принадлежность к судейскому сообществу».

3. Неприкосновенность судьи. Данная гарантия включает в себя следующие положения: неприкосновенность личности судьи, занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайна переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений).

Судья не может быть привлечен к административной и дисциплинарной ответственности во время осуществления своей деятельности, подтверждая тем самым высокий авторитет судебной власти.

В отношении судьи вводится особый порядок задержания и особый порядок возбуждения уголовного дела.

4. Наличие органов судейского сообщества. Данные органы выражают интересы судей как носителей судебной власти, оказывают содействие в кадровом обеспечении судов, совершенствовании судебной системы РФ.

5. Установленный порядок прекращения и приостановления полномочий судьи. Осуществление полномочий судьей может приостановить квалификационная коллегия (если

в отношении судьи было возбуждено уголовное дело и т.д.), а прекращение полномочий может быть произведено в случае, если судья обратился с заявлением об отставке, оказался не способен осуществлять свои полномочия по состоянию здоровья, по достижению предельного возраста и т.д.

6. Предоставление судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу.

7. Запрет на вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия, нарушение которого влечет различные виды ответственности, включая и уголовную.

Какое-либо вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия (в форме просьб, уговоров, советов, обещаний оказать услуги, шантажа и др.) признается незаконным (ст. 294 Уголовного кодекса Российской Федерации). Как отмечается в литературе, наиболее распространенной формой такого рода вмешательства является непосредственное обращение заинтересованного лица к судье с просьбой или требованием принять «соответствующее» решение по рассматриваемому им делу. Может иметь место завуалированное вмешательство, когда, например, кто-либо обращается к судье с просьбой разрешить дело «по закону и по совести», а затем предлагает свое понимание этих категорий применительно к конкретному делу [9, с. 40].

Во избежание подобных случаев ч. 3 ст. 8¹ УПК РФ предписывает информацию о любых «внепроцессуальных обращениях», поступающих в судебные органы, которая касается рассматриваемых уголовных дел, предавать гласности и размещать в соответствующих информационных ресурсах. Данный порядок служит дополнительной гарантией обеспечения независимости судей.

Никто не вправе требовать от судьи каких бы то ни было объяснений по рассматриваемому им делу (почему это дело было принято к производству, чем обуславливается вызов и допрос тех или иных свидетелей, почему судом был вынесен конкретный приговор и назначена определенная мера наказания виновному и т.д.). Материалы дела, находящегося в производстве судьи, могут быть предоставлены для ознакомления только участникам процесса (в рамках возникших процессуальных отношений), но не по запросам представителей органов власти, средств массовой информации, не участвующим в процессе гражданам и др. [8, с. 36-37].

Практическая реализация принципа независимости судей в России потребовала много усилий, но в итоге судьи получили особый статус, достаточное социальное обеспечение. Российская судебная система стала отдельной и независимой ветвью власти, отправляющей правосудие, перестала опасаться давления со стороны органов государственной власти. Однако, некоторые проблемы остались нерешенными, о чем свидетельствуют результаты

оценки деятельности судей обществом.

Так, например АНО «Независимый Исследовательский Центр» провело в период с 2018 года по январь 2020 года представительное социологическое исследование с целью определения отношения российских граждан к суду. По результатам этого исследования, «был выявлен рост недоверия россиян к судебной системе на 20% за 2 года, и в январе 2020 года этот показатель составил 70%. В основе причин недоверия – коррупция, бюрократизм, закрытость системы от общественности, невозможность отстоять свои права в суде, преследование оппозиционных политиков и общественных активистов. Подавляющее большинство опрошенных высказались за необходимость реформирования судебной системы в стране» [7].

Коррупционные и иные преступления, совершаемые судьями, приводят к нарушению принципов правосудия, снижают доверие граждан к деятельности судебных органов. Даже единичные случаи совершения преступных деяний судьями негативно сказываются на авторитете всей судебной системы в целом. «Как свидетельствуют результаты социологических исследований, показатели доверия населения к суду далеко не идеальны. Так, по данным, полученным фондом «Общественное мнение» (ИНДЕМ), россияне не доверяют судам и уверены, что большинство судей берут взятки (67% опрошенных), и лишь 12% назвали их честными и неподкупными; 47% уверены, что суды чаще выносят несправедливые приговоры, а 24% опрошенных считают, что справедливые приговоры бывают редко» [6, с. 83].

Борьба с коррупцией в судах, усиление реальной независимости судей – одна из важнейших задач государства и общества. В сфере правосудия противодействие коррупции предполагает дальнейшее обеспечение независимости судей, расширение доступа населения к правосудию, его подконтрольность гражданскому обществу [6, с. 83].

Для решения этих задач была разработана Федеральная программа «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы» [4]. Целями Программы являются повышение качества осуществления правосудия и совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Чтобы достичь указанных целей необходимо:

- 1) обеспечить открытость и доступность правосудия;
- 2) создать необходимые условия для осуществления правосудия;
- 3) обеспечить независимость судебной власти и т.д.

В рамках реализации Программы предусмотрен следующий комплекс мероприятий:

- информатизация судебной системы и внедрение современных информационных технологий в деятельность судебной системы;
- строительство, реконструкция и приобретение зданий для судов, Федеральной

службы судебных приставов и государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации;

– оснащение зданий судов техническими средствами и системами обеспечения безопасности, а также обеспечение судей мобильными устройствами тревожной сигнализации, действующей вне зданий судов, и др.

Оценивая в целом вышеприведенные положения, можно сделать вывод о том, что принцип независимости судей и подчиненности их только Конституции РФ и федеральному закону имеет огромное значение для осуществления правосудия, обеспечения функционирования РФ как правового государства. Необходимо уделять особое внимание укреплению и защите этого принципа, поскольку его нарушение может привести, и на практике часто приводит, к нарушению иных принципов правосудия. В этой связи в Российской Федерации реализуется специальная федеральная программа для повышения качества судопроизводства как государственно значимого вида деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2023).
2. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ (в ред. от 16 апреля 2022 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2023).
3. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. №3132-1 (в ред. от 10 июля 2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2023).
4. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы»: Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. №1406 (в ред. от 14 октября 2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2023).
5. Владимиров С. В. Правовое обеспечение профессиональной деятельности. Курс лекций для вузов: учебное пособие. – Самара: СамГУПС, 2022. – 147 с.
6. Гущина Н. А. Независимость судей и проблемы коррупции в судах // Современное право. – 2015. – № 11. – С. 82-88.
7. Отношение россиян к судебной системе (по материалам опроса 2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://исследовательский-центр.пф/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-po-materialam-vserossijskogo->

oprosa/?skattempt=1 (дата обращения: 21.22.2023).

8. Палеев М. С., Пашин С. А., Савицкий В. М. Закон о статусе судей в Российской Федерации: научно-практический комментарий / Под ред. В. М. Савицкого. – М.: БЕК, 1994. – 79 с.

9. Преступления против правосудия / Под ред. А. В. Галаховой. – Москва: Норма, 2005. – 416 с.

КАНДЫБА А. М., ЛЮДВИКЕВИЧ О. Н.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В СФЕРЕ ТРУДА МЕЖДУ БЕЛАРУСЬЮ И РОССИЕЙ

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам миграционной политики Республики Беларусь и Российской Федерации. Обозначены причины трудовой миграции, особенности приема на работу мигрантов и меры, направленные на повышение привлекательности трудовой деятельности в Союзном государстве.

Ключевые слова: трудовая миграция, эмигрант, иммигрант, трудовой договор.

KANDYBA A. M., LIUDVIKEVICH O. N.
LEGAL REGULATION OF LABOUR MIGRATION
BETWEEN BELARUS AND RUSSIA

Abstract. The article deals with some aspects of migration policies of the Republic of Belarus and the Russian Federation. The reasons for labour migration, features of migrants' employment and the measures to increase the appeal of labour activities in the Union State are considered.

Keywords: labour migration, emigrant, immigrant, labour contract.

Международная либо внешняя миграция рабочей силы – сложное явление, представляющее собой передвижение трудоспособного населения из одних стран в другие, спровоцированное факторами экономического характера. Миграция трудовых ресурсов – это ничто иное как экспорт и импорт рабочей силы. Вызвана она чаще всего экономическими факторами. При этом наблюдается избыточность низкооплачиваемых рабочих ресурсов в стране-экспортере. Одновременно со всем потоком миграции из стран выезжают высококвалифицированные кадры, что негативно сказывается на научно-техническом развитии страны и общем уровне научного и культурного развития населения. Вместе с тем, помимо минусов, выделяются также и положительные последствия миграционных процессов для страны, в частности, сокращение безработицы и приток денежных средств из-за рубежа от работающих там граждан.

По нашему мнению, трудовая миграция внутри Союзного государства России и Беларуси является нормальным процессом, определяющим и формирующим совместный рынок труда для данного государственного образования.

В соответствии со ст. 18 Договора о создании Союзного государства участники Договора принимают на себя обязанность проводить согласованную социальную политику, в том числе, по вопросам занятости, условий труда и его охраны, социального обеспечения и

страхования, а также миграции [1].

С целью унификации законодательства о труде Республики Беларусь и Российской Федерации на пятьдесят первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 51-4 от 27 ноября 2020 года) был принят Модельный трудовой кодекс [2].

Что касается миграционных процессов в Республике Беларусь, то государственная статистика всего объема внешней трудовой миграции населения страны практически отсутствует. Тем самым масштабы внешней трудовой миграции населения Беларуси становятся трудноопределимы [3], одновременно является очевидной значительная доля скрытой миграции.

Основные потоки трудовых мигрантов из Республики Беларусь были направлены в Российскую Федерацию, США, Польшу и ряд других стран. Значительное количество въехавших в Беларусь на работу иностранцев составили граждане России (6741), Китая (3206), Украины (2249) и Узбекистана (1197). Преимущественное большинство мигрантов из Беларуси выезжают на работы, связанные с ручным, физическим трудом в сфере строительства и в сфере обслуживания. Данный труд, как правило, является тяжелым и низкооплачиваемым, в связи с чем не пользуется спросом среди местного населения. Мигранты, чья деятельность связана с умственным трудом, составляют лишь около 10% [4].

Для трудоустройства иностранных граждан в Республике Беларусь необходимо пройти специальную процедуру, предусмотренную Законом Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» [5]. Для использования труда иностранных работников, не имеющих права на постоянное проживание, нанимателю необходимо получить специальное разрешение на привлечение иностранной рабочей силы. Для получения данного разрешения наниматель подает в органы по гражданству и миграции заявление, документ об оплате государственной пошлины (если такая оплата предусмотрена), копию паспорта или иного документа, его заменяющего, предназначенного для выезда за границу, или справку о подтверждении личности иностранного гражданина или лица без гражданства – для иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих документов для выезда за границу.

Выдача соответствующих разрешений производится подразделением по гражданству и миграции главного управления внутренних дел Минского городского исполнительного комитета, управлений внутренних дел областных исполнительных комитетов при наличии заключения о возможности привлечения в Республику Беларусь иностранцев для осуществления трудовой деятельности на ее территории от комитета по труду, занятости и социальной защите областных, Минского городского исполнительных комитетов. Для

получения заключения о возможности привлечения в Республику Беларусь иностранцев для осуществления трудовой деятельности органы по гражданству и миграции направляют запрос в орган по труду, занятости и социальной защите по месту нахождения свободного рабочего места (вакансии).

В связи с большим объемом взаимных миграционных потоков между Республикой Беларусь и Российской Федерацией (еще до создания Союзного государства Беларуси и России) Высшим Советом сообщества Беларуси и России 22 июня 1996 г. было подписано решение № 4 «О равных правах граждан на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-трудовых гарантий» [6], в соответствии с которым для граждан Беларуси в России и для граждан России в Беларуси была упрощена процедура привлечения иностранной рабочей силы. Гражданам России в Беларуси и гражданам Беларуси в России были предоставлены равные права на трудоустройство, оплату труда, режим рабочего времени, охрану, условия труда и др.

В ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе [7] предусмотрено, что работодатели и (или) заказчики работ (услуг) государства-члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов («трудящийся государства-члена» — лицо, являющееся гражданином государства-члена, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает) без учета ограничений по защите национального рынка труда. При этом трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства. Срок временного пребывания (проживания) трудящегося государства-члена и членов его семьи на территории государства трудоустройства определяется сроком действия трудового или гражданско-правового договора, заключенного трудящимся государства-члена с работодателем или заказчиком работ (услуг).

Для трудоустройства граждан Российской Федерации в Республике Беларусь необходимо предоставить документы, предусмотренные ст. 26 Трудового кодекса Республики Беларусь [8]. Заключение трудового договора осуществляется в общем порядке с соблюдением норм ст.ст. 18 и 19 данного Кодекса.

На основании вышеупомянутых правовых актов граждане России в Республике Беларусь и граждане Беларуси в Российской Федерации имеют привилегированный статус в сфере труда по сравнению с гражданами других государств, что создает условия для активизации миграционных процессов между государствами — членами Союзного государства. Однако следует подчеркнуть, что данный статус не освобождает граждан

Союзного государства от предусмотренной законодательством процедуры в сфере учета и контроля пребывания на территории принимающего государства.

Граждане России в Республике Беларусь и граждане Беларуси в Российской Федерации имеют привилегии в вопросе получения вида на жительство без промежуточной стадии временного проживания на территории государства, принимающего мигранта. Для мигрантов других государств эта стадия обязательна.

Помимо привилегии в получении вида на жительство, установлен безвизовый въезд в страну для белорусов (в Россию) и россиян (в Беларусь) без необходимости оформления миграционной карты. Также для указанных лиц предусмотрена возможность устройства на работу, как уже отмечалось, без специального разрешения органов по гражданству и миграции.

Наличие гражданства одной из стран Союзного государства не наделяет граждан России в Беларуси и граждан Беларуси в России всеми правами и обязанностями граждан принимающей стороны. Несмотря на все привилегии, предоставляемые государствами-членами Союзного государства для взаимных мигрантов, они ограничены существующими правилами пребывания на территории государства, принимающего мигранта. Мигрант может быть признан незаконным в случаях несвоевременной постановки на учет, непрохождения процедуры регистрации или непродления ее, нарушения правил пребывания в принимающей стране.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что между странами Союзного государства создана комфортная среда для развития совместного рынка труда и трудовых отношений в целом. Нормативная база, регулирующая данный вид взаимоотношений, обеспечивает гарантию безопасности условий труда для граждан России в Республике Беларусь и граждан Беларуси в Российской Федерации. Вместе с тем, считаем целесообразным продолжить сближение белорусского и российского законодательства о труде; необходимо принять единый правовой акт, закрепляющий общие положения и единые условия, процедуру трудоустройства для работников в другой стране Союзного государства; ввести меры миграционного воздействия, сохранить льготы и преимущества белорусов и россиян в принимающих странах.

В контексте изложенного подлежат глубокому анализу причины выезда из страны граждан Республики Беларусь. Очевидно, следует создать условия, повышающие привлекательность трудовой деятельности в каждой стране Союзного государства и в Республике Беларусь, в частности, поскольку из-за утечки высококвалифицированных кадров снижаются темпы научно-технического развития, ухудшается демографическая ситуация.

Мерами, направленными на исправление ситуации, могут быть, например, расширение практики применения установления гибкого режима рабочего времени, дистанционного труда, результативного стимулирования труда, в том числе в случае продолжительного стажа работы в одной организации, и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о создании Союзного государства (подписан в г. Москва 08.12.1999) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/?ysclid=lsoijzk3z3882945640 (дата обращения: 15.01.2024).
2. Модельный трудовой кодекс для стран-участников СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-ecolog.ru/docs/yD2N5ARb1CF3xboyCX-eO/32?ysclid=lsoilehw70202818265&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 20.01.2024).
3. Пушкевич С. А. Тенденции развития внешней трудовой миграции населения Республики Беларусь: статистический и социологический анализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-vneshney-trudovoy-migratsii-naseleniya-respubliki-belarus-statisticheskiy-i-sotsiologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 12.11.2023).
4. Миграционная политика Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-cis.info/cooperation/2829/77853/?ysclid=lsoiu7rnu3152690826> (дата обращения: 10.11.2023).
5. О внешней трудовой миграции: Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 225-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/uploads/dgim/225.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
6. Решение Высшего Совета Сообщества Беларуси и России от 22 июня 1996 г. №4 «О равных правах граждан на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-трудовых гарантий» // Ведомственное приложение к «Российской газете». – 1996. – 28 сентября.
7. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астана 29.05.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/?ysclid=lsoivk3sr4404826359 (дата обращения: 18.01.2024).
8. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобрен Советом

Республики 30 июня 1999 г. (в ред. Закона Республики Беларусь от 29.06.2023)
[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bospc.by/wp-content/uploads/2022/11/trudovoj-kodeks-respublikibelarus.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).

МИТРИШКИНА А. Ю.

**РАЗМЕР ДОХОДА КАК ПРИЗНАК СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ**

Аннотация. В статье анализируется характеристика дохода в составах преступлений в сфере экономической деятельности. Исследование позволяет выявить ряд проблем в понимании данного признака: отсутствие понятия и порядка определения в уголовном законодательстве, неоднозначность позиций судов и компетентных органов власти по вопросу установления размера дохода.

Ключевые слова: доход, крупный (особо крупный) размер, признак составов преступлений, преступления в сфере экономической деятельности.

MITRYASHKINA A. YU.

**THE AMOUNT OF INCOME AS ELEMENT OF FINANCIAL CRIMES:
PROBLEMS OF INTERPRETATION AND APPLICATION**

Abstract. The article considers the characteristics of income as an element of crimes in the field of economy. The research reveals a number of difficulties in understanding this element of crime, such as the lack of conceptualization and definition in criminal legislature, the ambiguity of the positions of courts and competent authorities on the issue of determining the amount of income.

Keywords: income, large (especially large) amount, elements of crimes, crimes in the field of economy.

Конструирование составов преступлений представляет важную задачу правотворчества, поскольку от качества построения уголовно-правовой нормы зависит ее применение. Однако многие конструкции составов преступлений в сфере экономической деятельности вызывают не только разногласия в уголовно-правовой доктрине, но и существенные противоречия в процессе квалификации преступлений. Это обусловлено множеством криминообразующих и (или) квалифицирующих признаков, выраженных посредством неформализованных оценочных категорий, что не позволяет в полной мере раскрыть их содержание. Отсутствие закрепления оценочных категорий в уголовном законе допускает плюрализм толкования, в том числе в законодательстве иных отраслей, в правоприменительной практике и в уголовно-правовой доктрине [13]. Одним из таковых признаков выступает доход, исчисляемый законодателем в крупном или особо крупном размере.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] крупный доход как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности встречается в семи статьях главы 22, в шести статьях извлечение дохода в крупном размере является криминообразующим признаком объективной стороны (исключением является ст. 171.2 УК РФ, где извлечение крупного дохода выступает квалифицирующим признаком). Особо крупный доход в качестве квалифицирующего признака упоминается в пяти составах преступлений в сфере экономической деятельности.

Конкретное стоимостное выражение дохода формализовано: в отношении каждого признака установлено количественное выражение – стоимостный показатель, превышение которого позволяет считать доход извлеченным в крупном или в особо крупном размере. Примечание к статье 170.2 УК РФ закрепляет положение, согласно которому в статьях главы 22 УК РФ, за исключением статей 171.2, 178, 185.3, 185.4, 185.6, доходом в крупном размере признается доход в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – девять миллионов рублей. Размер дохода закреплен в примечании к каждой из вышеперечисленных статей. Например, п. 2 примечания к ст. 171.2 УК РФ доход в крупном размере определяет как доход, сумма которого превышает один миллион пятьсот тысяч рублей, а в особо крупном размере – шесть миллионов рублей.

А. Н. Каменева выделяет три способа закрепления количественных определений в главе 22 УК РФ: для группы разнородных преступлений – в примечании к ст. 170.2 УК РФ; для однородных деяний – например, в примечании к ст. 185 УК РФ; для единичных составов – в постатейных примечаниях к конкретной статье, например, к ст. 178 УК РФ [11].

В отношении большинства составов законодатель ограничился лишь стоимостным показателем размера дохода, который не объясняет своего содержания. За последние годы внимание ученых уголовно-правовой науки к этому вопросу возросло. Одна из причин – многообразие значений стоимостных размеров (к примеру, на семь составов преступлений в сфере экономической деятельности с признаком крупного дохода и пять составов с признаком особо крупного дохода приходится по 4 различных стоимостных выражения).

Как мы видим, признак дохода в преступлениях главы 22 УК РФ формализован, в отличие от его качественной составляющей: содержание и порядок исчисления дохода не регламентированы законодательно. Отсутствуют они и в акте толкования уголовного закона.

«Доход» определяется в нормах регулятивного законодательства. Так, ст. 41 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [2] определяет доход как экономическую выгоду в денежной или натуральной форме, учитываемой в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить. Порядок определения доходов в отношении организаций и физических лиц различен. В первом случае

к ним относят доходы от реализации товаров (работ, услуг) и имущественных прав и внереализационные доходы (ст. 248 НК РФ), во втором – перечень не является исчерпывающим и не ограничивается осуществлением какой-либо деятельности (ст. 208 НК РФ). Вместе с тем нормы закона содержат указание на то, что доход определяется в соответствии с НК РФ, что существенно осложняет либо исключает применение дефиниции в уголовно-правовой практике. Определение дохода раскрывается также в различных ведомственных актах органов власти (например, Приказ Минфина России от 6 мая 1999 г. №32н [6]), однако их применение ограничено конкретной сферой.

Развернутое определение дохода в отраслевом законодательстве наводит на мысль о необходимости подобного подхода и в иных отраслях. В то же время отсутствие определения понятия «доход» в уголовном законодательстве может быть оправдано. Во-первых, данный термин можно отнести к общеупотребимым, что избавляет законодателя от необходимости его трактовки [13]. Во-вторых, специфика преступлений не позволяет закрепить единое определение «дохода», поскольку разные составы преступлений предопределяют применение разных подходов к пониманию одних и тех же признаков.

Последнее основание подтверждается единственной для главы 22 УК РФ дефиницией «дохода» в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 23) [3], согласно которой под доходом в ст. 171 УК РФ понимается выручка от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением таковой деятельности.

Такая формулировка заменила предшествующий подход к пониманию дохода. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 1999 г. [9] отмечалось, что предусмотренный диспозицией ч. 1 ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство) квалифицирующий признак «извлечение дохода в крупном размере» составляет выгоду, полученную от незаконной предпринимательской деятельности, за вычетом расходов, связанных с ее осуществлением. Данный подход подвергся серьезной критике со стороны ученых и практиков. Замечания не были безосновательны, а от приравнивания дохода к прибыли совсем скоро пришлось отказаться: «предприниматели» стали уходить от уголовной ответственности, ссылаясь на ничем не подтвержденные расходы, резко снижавшие оставшиеся денежные средства, признаваемые доходом [12]. В категорию «расходы» также включали денежные средства, направляемые на осуществление преступной деятельности в виде незаконного предпринимательства.

Впоследствии ст. 171 УК РФ не раз становилась предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который отмечал, что содержание понятий указанной статьи, в том числе и понятия «доход», не может ограничиваться исключительно ее рамками, ссылаясь на системность норм. Отмечая наличие трактовок, отраженных в нормах иных актов, а также толкование Верховного Суда РФ (ст. 41 НК РФ и п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 23 соответственно), Конституционный Суд РФ определил, что ст. 171 УК РФ «не может расцениваться как содержащая неопределенность» [4].

В общем виде установление суммы дохода, извлеченного из осуществления незаконной предпринимательской деятельности (ст. 171 УК РФ), не вызывает сомнений ввиду регулирования этого вопроса Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 23, чего нельзя сказать о размере дохода, устанавливаемого в отношении иных составов преступлений главы 22 УК РФ.

Так, в предыдущие годы существовала практика, в соответствии с которой при расчете суммы извлеченного дохода в ходе совершения деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 172 УК РФ, многие суды применяли п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №23 [18; 23] и даже обращались к п. 1.8 Положения Банка России № 446-П от 22 декабря 2014 г., определяющему доход операции купли-продажи иностранной валюты [7; 19].

При этом ни по одному из уголовных дел подсудимым не вменялось совершение преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. По какой причине суды указывали на приоритет разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, относящихся к иному составу преступления, неизвестно. Здесь не было оснований говорить о применении уголовного закона по аналогии, поскольку суд не применял материальную норму иного состава преступления, а лишь обращался к ее толкованию. Но даже при обращении к данному разъяснению суд должен был указать, по какой причине он использует дефиницию размера дохода от осуществления незаконной предпринимательской деятельности. По нашему мнению, делать вывод об определении размера дохода, извлеченного из незаконной банковской деятельности, по аналогии можно, но лишь в том случае, если правоприменитель раскроет их соотношение (например, если признает банковскую деятельность разновидностью предпринимательской, исходя из преследуемой цели субъектов преступления – извлечения прибыли).

Соответственно нельзя согласиться, что ссылка на Положение Банка России в данном случае корректна ввиду его применения к доходам кредитных организаций, которыми могут быть исключительно юридические лица, имеющие специальное разрешение (лицензию).

Однако на сегодняшний день правоприменительная практика выработала единую позицию, что позволило судам устанавливать размер дохода от осуществленной незаконной

банковской деятельности и без законодательного закрепления понятия «доход». Устоялась позиция, согласно которой извлеченный доход в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, выражается через комиссионное вознаграждение, полученное от осуществления банковской деятельности (банковских операций) и исчисляемое в размере процента от суммы поступивших денежных средств [17; 23].

Таким образом, как и в случае с расчетом размера дохода, извлеченного из незаконной предпринимательской деятельности (ст. 171 УК РФ), при исчислении выручки от незаконной банковской деятельности правоприменитель не предусматривает вычета произведенных расходов, связанных с ее осуществлением. Такой подход также применяется при исчислении размера дохода, извлеченного в результате незаконных организации и проведения азартных игр (ст. 171.2 УК РФ). Зачастую он определяется из суммы денежных средств, вносимых игроками за время осуществления такой деятельности [20; 22].

В науке предлагают руководствоваться закрепленным Пленумом Верховного Суда РФ определением дохода при установлении последствий незаконных организации и проведения азартных игр, рассматривая его как разновидность незаконной предпринимательской деятельности [16]. Если в отношении данных составов такой подход в большей степени оправдан, то его применение к ст. 172 УК РФ вызывает сомнения, в первую очередь, из-за спорного отнесения банковской деятельности к предпринимательской (что и отражается в позиции современного правоприменителя).

В отношении ст. 178 УК РФ подход к определению квалифицирующего признака «извлечение дохода в крупном размере» претерпел значительные изменения.

В 2019 году Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России указала на возможность применения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 при определении дохода как последствия ограничения конкуренции (ст. 178 УК РФ), признавая антиконкурентную деятельность картеля, направленную против добросовестной конкуренции, разновидностью незаконной предпринимательской деятельности [5]. Основываясь на данных рекомендациях, территориальные управления ФАС в своих решениях определяли доход как выручку от реализации товаров (работ, услуг) в рамках антиконкурентного соглашения за период его существования без вычета произведенных лицом расходов [25].

В 2019 году Правительством РФ был разработан и предложен законопроект о внесении изменений в ст. 178 УК РФ, одним из которых стала редакция примечаний статьи в части определения методики исчисления дохода. Солидарно с позицией ФАС России, доходом было предложено признавать выручку от реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг), извлеченной всеми участниками ограничивающего конкуренцию

соглашения без вычета произведенных расходов [10].

В 2023 году Конституционный Суд РФ указал, что под доходом в рамках ст. 178 УК РФ следует понимать цену контракта, заключаемого по результатам торгов, «без ее уменьшения на размер каких-либо расходов, в том числе произведенных или необходимых (планируемых) в связи с исполнением этого контракта, включая расходы по уплате обязательных публично-правовых платежей» [8]. Как отмечает сам Конституционный Суд РФ, изложенное следует из анализа судебной практики и подкрепляется положением вышеуказанного проекта федерального закона (при этом допускается возможность его корректировки законодателем в случае необходимости).

Сегодня судебная практика по уголовным делам рассматриваемой категории привычно руководствуется данными, предоставленными антимонопольными органами. По этой причине доход определяется в размере сумм заключенных соглашений, то есть в размере полученной выручки [21; 24].

Уникальное определение излишне извлеченного дохода закреплено в ст. 185.3 УК РФ. При этом такая трактовка появилась лишь спустя 2 года с момента криминализации деяния, до этого квалифицирующим признаком являлось лишь извлечение дохода. Излишний доход определяется как разница между доходом, который был получен в результате незаконных действий, и доходом, который сформировался бы без учета незаконных действий.

Как указывал в своих работах О. В. Осипов, при совершении деяний, предусмотренных ст.ст. 185.3 и 185.6 УК РФ, лицо не ограничивается в получении выгоды в денежном исчислении, а также извлекает для себя материальную выгоду в несколько ином виде (отклонения цены финансовых инструментов, иностранной валюты и товаров от рыночно сформированного уровня и экономически выгодные их приобретения) [15]. Это значит, что доход может представлять собой как выгоду, полученную от таких противоправных деяний, в денежной и (или) натуральной форме, так и иные блага, имеющие экономически выгодное значение для лица, совершающего преступления.

Таким образом, несмотря на строго определенные стоимостные показатели каждого признака, вопрос об определении размеров всё еще не разрешен, что отражается на правоприменительной практике. В ходе исследования мы убедились в том, что неоднозначное толкование закономерно приводит к отсутствию единообразия судебной следственной практики.

Спустя годы правоприменитель смог подстроиться под имеющийся пробел и сформировать сходное понимание размера дохода в составах преступлений в сфере экономической деятельности. Однако это не умаляет необходимость закрепления порядка измерения размеров доходов, полученных в результате совершения экономических

преступлений. Отметим, что затронутая проблема носит не только исключительно уголовно-правовой, но и межотраслевой характер, что подтверждает, например, отмеченный нами интерес правоприменителя и исследователей к признакам преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

В случае с рядом однородных преступлений (ст.ст. 185.3, 185.4, 185.6 УК РФ) под доходом следует понимать выгоду, полученную от таких противоправных деяний, в денежной и (или) натуральной форме, и иные блага, имеющие экономически выгодное значение для лица, совершающего преступления. В этом случае стоит сделать акцент именно на различных формах полученных благ, которые не всегда представляют собой денежное выражение (например, когда субъект добивается повышения стоимости ценных бумаг благодаря распространению ложной информации о них среди участников фондового рынка).

Предложенная система определения дохода учитывает специфику составов преступлений в сфере экономической деятельности, которая не позволяет установить единое определение дохода для целей главы 22 УК РФ. Мы считаем возможным закрепление содержания дохода в примечаниях к статьям (при этом не исключаем возможности толкования Пленумом Верховного Суда РФ). Как и в случае со стоимостным выражением, понятие может быть закреплено как в отношении ряда преступлений, так и в постатейных примечаниях в случае установления особого порядка исчисления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2023).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть I. Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.202).
3. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 1.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2010 г. № 1523-О-О [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).
5. Приказ ФАС России от 8 августа 2019 г. № 1073/19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).
6. Приказ Минфина России от 6 мая 1999 г. № 32н [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

7. Положение Банка России от 22 декабря 2014 г. № 446-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2023 г. №19-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 1999 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2023).

10. Проект Федерального закона от 29 ноября 2019 г. № 848246-7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2023).

11. Каменева А. Н. Общественно опасные последствия в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы отражения в законе // Lex Russica. – 2020. – № 5 (162). – С. 53-63.

12. Карпович О. Г. Уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность // Юрист. – 2003. – № 2. – С. 59-61.

13. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 330 с.

14. Лопашенко Н. А. Стоимостное выражение крупного (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 220-228.

15. Осипов И. В. Доход как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности // Вестник Российского университета кооперации. – 2019. – № 2 (36). – С. 138-144.

16. Устинова Т. Д. Проблемы квалификации незаконных организации и проведения азартных игр // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 11 (108). – С. 96-103.

17. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2023 г. № 77-2082/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

18. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 января 2020 г. по делу № 77-43/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

19. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 10 декабря

- 2019 г. по делу № 1-4/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).
20. Апелляционное определение Вологодского областного суда от 6 июля 2023 г. №22-1102/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).
21. Апелляционное определение Московского городского суда от 23 марта 2023 г. по делу № 10-2954/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).
22. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 6 апреля 2023 г. по делу № 1-8/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).
23. Приговор Кировского районного суда г. Уфы от 20 сентября 2022 г. по делу № 1-382/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).
24. Приговор Ленинского районного суда г. Саранска от 8 июня 2022 г. по делу № 1-194/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).
25. Решение Башкортостанского УФАС России от 1 июля 2021 г. по делу № 002/01/16-195/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

ПЕТРИКОВА Е. В., ШИГУРОВА Е. И.

ГЛАСНОСТЬ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье рассматривается сущность, содержание и значение принципа гласности. Авторами делается вывод о том, что гласность – самостоятельный принцип уголовного процесса, обеспечивающий эффективность уголовного судопроизводства. Реализация принципа гласности усиливает авторитет судебной власти. Авторы анализируют научные позиции по исследуемому вопросу. Представлены результаты изучения судебной практики по видам нарушений принципа гласности.

Ключевые слова: правосудие, принцип, гласность, закрытое судебное разбирательство, справедливое судебное разбирательство.

PETRIKOVA E. V., SHIGUROVA E. I.

PUBLICITY AS PRINCIPLE OF CRIMINAL COURT PROCEEDINGS

Abstract. The article examines the essence, content and significance of the principle of publicity. The authors conclude that transparency is an independent principle of the criminal procedure, ensuring the effectiveness of criminal court proceedings. The implementation of the principle of transparency strengthens the authority of the judiciary. The authors analyze scientific positions on the issue under study. The results of a study of the court practice on types of violations of the principle of publicity are presented.

Keywords: justice, principle, publicity, closed trial, fair trial.

Одним из важнейших элементов справедливого судебного разбирательства является публичное открытое судебное разбирательство в разумный срок с установлением равных процессуальных возможностей сторонам в условиях состязательности, баланс частных и публичных интересов, установление запрета на отказ от правосудия. Открытость, публичность судебного заседания обеспечивает доверие к судебной власти, повышает ее авторитет у граждан, организаций, учреждений.

Гласность как принцип судебной деятельности закреплён в процессуальном законодательстве. В рамках уголовного судопроизводства он рассматривается как общее условие судебного разбирательства. Это обусловлено спецификой самого уголовного процесса, наличием в нём обязательного этапа досудебного производства в виде возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. С теоретической точки зрения такое положение вызывает много вопросов. Так, С. В. Тетюев считает, что законодатель необоснованно исключил гласность из системы принципов уголовного процесса, определив её в качестве одного из условий судебного разбирательства [1].

В. В. Хатуева считает, что в настоящее время гласность следует приравнять к открытости и транспарентности судебного разбирательства, а в целом определить ее как важнейший принцип уголовного судебного процесса [2].

Несмотря на особое значение гласности в уголовно-процессуальной деятельности, она не входит в систему принципов уголовного судопроизводства, установленную главой 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в соответствии с «буквой» закона (ст. 241 УПК РФ) гласность выступает общим условием судебного разбирательства. По нашему мнению, даже при отсутствии в главе 2 УПК РФ принципа гласности, ее следует рассматривать в качестве самостоятельного принципа уголовного судопроизводства, поскольку он закреплен в Конституции РФ, имеющей прямое действие и распространяющейся на сферу уголовного судопроизводства.

Кроме того, гласность, по мнению отдельных ученых, играет базовую роль в формировании доверительной составляющей отношения отдельных граждан к судебной власти в Российской Федерации, а также является определяющим индикатором отношения всего общества к российскому правосудию [3].

Содержание принципа гласности определено ст. 241 УПК РФ. Часть 1 данной нормы закрепляет положение о том, что судебное производство дел во всех судах осуществляется открыто. Закрытое разбирательство реализуется в исключительных случаях, установленных российским законодательством.

Как показывают результаты изучения судебной практики, нередко суды допускают нарушения этого базового принципа, принимая решение о проведении закрытого судебного разбирательства при отсутствии необходимых для этого оснований из числа предусмотренных законом.

Так, апелляционным постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 01.09.2020 г. № 22-4545/20 был отменен приговор суда первой инстанции, а решение суда о проведении всего разбирательства дела в закрытом судебном заседании признано незаконным. 26 сентября 2019 г. в судебном заседании потерпевшей П. было заявлено ходатайство о проведении закрытого судебного заседания в целях обеспечения ее безопасности, не разглашения ее данных и данных ее родственников. Судом было принято решение об удовлетворении ходатайства потерпевшей П. и проведении закрытого судебного заседания по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ. При этом судом какие-либо мотивы принятого решения не приведены, основания, по которым суд пришел к выводу о необходимости обеспечения безопасности потерпевшей и ее близких не изложены, ссылки на конкретные обстоятельства, свидетельствующие о наличии опасности для указанных лиц, в постановлении судьи отсутствуют. Между тем, предусмотренная ч. 2 ст. 241 УПК РФ

возможность проведения закрытого судебного заседания относится к числу правовых средств, используемых лишь в указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ конституционно значимых целях. Принимая решение о переводе судебного заседания в закрытый режим на весь период судебного разбирательства, суд не рассмотрел возможность проведения закрытого судебного заседания только на период установления личности потерпевшей и ее допроса по обстоятельствам инкриминируемого подсудимому деяния. Кроме того, согласно протоколу судебного заседания, потерпевшая принимала участие только в судебном заседании 26 сентября 2019 г. и 28 октября 2020 г., после чего заявила ходатайство об освобождении ее от дальнейшего участия в деле. При таких обстоятельствах решение суда о проведении всего разбирательства дела в закрытом судебном заседании признано незаконным [4].

В данном случае проведение всего судебного разбирательства по конкретному делу в закрытом судебном заседании без достаточных на то оснований и при отсутствии мотивированного решения суда явилось нарушением принципа гласности судопроизводства, а провозглашение вводной и резолютивной частей приговора по данному делу было признано существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора.

Апелляционным определением Свердловского областного суда по делу № 22-4760/2021 от 20.07.2021 г. был отменен приговор суда первой инстанции по следующим основаниям. Суд, принимая решение о проведении судебного разбирательства в закрытом формате, мотивировал его тем, что потерпевшими по рассматриваемому делу являются несовершеннолетние, кроме того, в ходе рассмотрения дела со стороны участников процесса возможно оглашение сведений, которые составляют медицинскую тайну, а также относятся к сведениям о личной и семейной жизни. Судебная коллегия Свердловского областного суда посчитала, что в данном случае действительных оснований, необходимых для проведения закрытого судебного заседания, не имелось. При рассмотрении апелляционной инстанцией жалобы на приговор суда было установлено, что несовершеннолетние не являлись потерпевшими в данном уголовном деле. Участие в судебном разбирательстве они не принимали, их интересы представляли законные представители. Более того, на основании постановления от 10 марта 2021 г. судом первой инстанции оглашены только вводная и резолютивная части приговора. Свое решение по данному вопросу суд мотивировал тем, что уголовное дело рассмотрено в закрытом судебном разбирательстве, а в деле имеются сведения, составляющие врачебную тайну. Таким образом, допущенные судом нарушения были признаны существенными нарушениями УПК РФ, так как несоблюдение судебной процедуры повлияло на постановление законного, обоснованного и справедливого

приговора, в связи с чем приговор суда первой инстанции был отменен [5].

В другом случае, при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции было установлено, что судебное разбирательство в суде первой инстанции было назначено в открытом режиме, однако в дальнейшем постановлением суда по ходатайству государственного обвинителя судебное заседание проводилось в закрытом режиме. При этом, исследуя фактические обстоятельства дела, судом апелляционной инстанции было определено, что мотивы изменения характера судебного заседания не соответствовали положениям ст. 241 УПК РФ. Кроме того, объективных обстоятельств, подтверждающих вывод суда о необходимости обеспечить безопасность участников процесса, не было обнаружено. Таким образом, в ходе рассмотрения апелляционной жалобы было установлено, что проведение закрытого судебного заседания в данном случае не основывалось на положениях ст. 241 УПК РФ [6]. В результате нарушение принципа гласности судебного разбирательства было признано существенным нарушением процедуры судопроизводства и значительно ущемило права участников процесса, что повлекло отмену приговора.

Определенный интерес представляет апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16.06.2020 г. № 55-118/2020, из которого следует, что при рассмотрении жалобы осужденного И. С. и адвоката К. К. З., в которой были отражены обстоятельства несогласия с приговором, были установлены допущенные судом первой инстанции нарушения уголовно-процессуального законодательства. Одним из них явилось нарушение ст. 241 УПК РФ. В жалобе указывалось, что без соответствующего внимания суда остались неоднократные обращения СМИ «Газета региональных правозащитных организаций» с просьбой разрешить ведение видеозаписи в судебном заседании, что, несомненно, нарушало требования гласности и открытости судебного разбирательства. Кроме того, присутствовавший представитель названного СМИ был вовсе удален из зала судебного заседания [7].

Таким образом, гласность судебного разбирательства определяется в качестве принципа, предполагающего проведение судебного заседания открыто для всех участников процесса и любого гражданина, который достиг 16-летнего возраста, а также представителей средств массовой информации, присутствующих на заседании для свободного освещения хода и результатов судебного разбирательства.

Реализация принципа гласности в судебном процессе позволяет обеспечить общественный контроль за функционированием судебной системы в РФ, повысить эффективность судопроизводства. Наряду с этим, гласность выступает как наиболее существенная гарантия соблюдения прав подсудимого в уголовном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тетюев С. В. О роли суда в доказывании в состязательном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2020. – № 5. – С. 37.
2. Хатуева В. В. Гласность: правовая природа и механизм ее реализации в уголовном судопроизводстве // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2019. – № 1 (99). – С. 110.
3. Шигуров А. В. Закрытая форма предварительного слушания по уголовным делам: критический анализ // Lex Russica (Русский закон). – 2014. – Т. 96. – № 5. – С. 556-563.
4. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 1 сентября 2020 г. по делу № 22-4545/20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2023).
5. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 20 июля 2021 г. по делу № 22-4760/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2023).
6. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2021 г. по делу № 7У-2431/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2023).
7. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16 июня 2020 г. по делу № 55-118/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2023).

ЛЁВКИН Г. А., ПЕТРОВСКИЙ Н. А.
СОЗДАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Аннотация. В статье исследуется нормативная база и методология построения Союзного государства России и Беларуси. Союзное государство опирается на собственный ряд (перечень) нормативных документов (договоров), закрепляющих правовые основы построения государственного устройства Союзного государства. В то же время отмечается, что инициатива создания и претворения в жизнь идеи указанного государственного образования не обязательно должна получить отражение в отдельных отраслях общественного строя каждого из государств в силу имеющихся различий их государственного устройства.

Ключевые слова: Союзное государство, Договор о создании Союзного государства, Конституция Республики Беларусь, Конституция Российской Федерации.

LIOVKIN G. A., PETROVSKY N. A.
THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS:
STATE BUILDING AND PROSPECTS

Abstract. The article presents an analysis of the legal framework and methodology of the building of the Union State of Russia and Belarus. The Union State has its own list of normative documents (agreements) that establish the legal basis for building the state structure of the Union State. At the same time, it is noted that the initiative to create and implement the idea of the state formation under analysis should not necessarily be represented in individual sectors of the social system of each state due to the existing differences in their state structures.

Key words: Union State, Treaty on the Establishment of the Union State, Constitution of the Republic of Belarus, Constitution of the Russian Federation.

После распада СССР более 25 миллионов этнических русских оказались за пределами Российской Федерации. При этом русские и российско-ориентированные лица, проживающие в образованном Союзе Независимых Государств, ментально считают себя частью «Русского мира», то есть представителями единой российской (русской) цивилизации. С этой точки зрения такое межгосударственное объединение как Союзное государство Беларуси и России следует рассматривать как стремление двух братских народов к надгосударственному, то есть цивилизационному единению.

Представляется, что стержнем такого единения должна выступать цивилизационная безопасность стран, объединившихся в Союзное государство [6]. В это понятие входят,

прежде всего, экономическая, военная, политическая, социальная безопасность. Сегодня мы являемся свидетелями попыток со стороны коллективного Запада не допустить углубления интеграционных процессов в развитии Союзного государства, при этом противники объединения полагают, что это поможет разрушить Россию и Беларусь поодиночке. В то же время Украину с 2014 года готовили к роли «могильщика» Российской цивилизации. Но всё это лишь ускоряло темпы и глубину интеграции в формате Союзного государства. Сегодня, в условиях реальных военных действий на территории Донбасса, фактически столкнулись западноевропейская и российская цивилизации. Причем в ход идут не только переданные США и ЕС Украине новейшие системы вооружений, но и средства информационной войны – кибератаки, дезинформация, информационные диверсии и т.п.

Для того чтобы осмыслить идеологию современного этапа в формировании Союзного государства Беларуси и России определить возможную перспективу его развития следует обратить внимание на поиск оптимальной методологии в познании сложных процессов создания и возможных путей развития государственного и надгосударственного механизма функционирования Союзного государства.

Научное познание любой сферы жизнедеятельности, как известно, не может быть объективным без опоры на надлежащую методологию. В этом смысле нужно согласиться с выводом В. П. Малахова: «Любой познавательный акт возможен только в рамках выработанной методологии. Вне существующей методологии – юридической ли, философско-правовой или иной – невозможно даже поставить вопрос в понятии права» [4, с. 27].

Представляется, что помощь в выявлении и раскрытии смысла происходящих сегодня событий как в мире, так и в формате Союзного государства Беларуси и России может оказать синергетический метод, позволяющий глубоко осмыслить динамику миропонимания, опираясь также на эвристический и гносеологический методы познания. Во взаимодействии эти методы способны помочь исследователю обнаружить и исследовать социальную систему (выявить ее многогранность), определить ее устойчивый, но уже устаревший, пошатнувшийся порядок, а затем сквозь существующий хаос увидеть альтернативные направления движения этой системы и, наконец, определить рождение нового порядка в обновленной (или новой) системе.

Безусловно, не следует воспринимать такую или иную избранную методологию познания различных социальных явлений как универсальную, статичную и четко определенную. Необходимо учитывать массу различных процессов (точек) бифуркаций, возникающих на пути развития, например, политической системы (государственный переворот), а также познания иных социальных явлений (потрясений), влияющих на

развитие системы.

Вместе с тем интеграционное развитие Союзного государства Беларуси и России будет успешным только в случае его продуманного методологического обеспечения и теоретического осмысления. Без этого невозможно разработать теоретическую модель процессов интеграционного развития во всех сферах жизнедеятельности. В силу этого важнейшей задачей является поиск оптимальной формы государственного устройства Союзного государства и обнаружение возможных направлений и проблем в его дальнейшем развитии. Анализ опыта государственного строительства, пройденного пути становления и развития Союзного государства Беларуси и России позволяет утверждать, что существует объективная необходимость провести исследование существующих нетрадиционных форм государства в современном мире. Без такого анализа невозможно разработать рекомендации по оптимизации нормативных правовых актов, регулирующих функционирование и правовой статус Союзного государства.

Вопросами формирования и развития Союзного государства Беларуси и России занимались и занимаются, так или иначе, многие белорусские ученые (Л. С. Абецедарский, В. Н. Артемов, М. П. Баранова, Г. А. Василевич, В. А. Витушко, Г. А. Воробей, В. С. Каменков, Н. Г. Павлова, В. В. Подгруша, В. О. Сукало, И. В. Фисенко, А. Ф. Шпилевский и др.) и их российские коллеги (И. Н. Барциц, А. А. Выручаев, В. В. Елистратова, А. Т. Лейзеров, Н. А. Ушаков, Н. Н. Шумской, Ф. Д. Байрамов, В. Г. Вишнякова, Ю. Ф. Година, М. Х. Гукешоков, Г. А. Князев, Н. Б. Пастухова, И. И. Пляхимович, Р. В. Попов, В. А. Савицкий, Е. Е. Сумина и др.).

Однако мы не можем утверждать, что сегодня уже разработано видение дальнейшего интеграционного процесса в развитии Союзного государства, а также определена оптимальная форма его государственного устройства. Иначе говоря, не представляется возможным сделать вывод о завершенной научной разработанности оптимальной модели государственного (надгосударственного) устройства Союзного государства. Следует исходить из того, что юридически принципы и сущность Союзного государства именно как государства пока не определены. Более того, многие юристы-государствоведы, философы, социологи, историки весьма скептически рассматривали перспективы именно государственного строительства Союзного государства с участием Беларуси и России [1; 3; 5].

Пессимизм исследователей был вызван тем, что, несмотря на то, что в ст. 1 Договора о создании Союзного государства провозглашалось, что «Российская Федерация и Республика Беларусь (далее – государства-участники) создают Союзное государство, которое знаменует собой новый этап в процессе единения народов двух стран в

демократическое правовое государство», в реальности же это объединение так и не обрело государственный статус, то есть не стало самостоятельным субъектом международного права. Это послужило импульсом для поиска нового философско-мировоззренческого и правового обоснования существующего государственного статуса Союзного государства. Многие ученые, среди которых А. А. Гваришвили, В. П. Воробьев, О. И. Тиунов, И. П. Давыдов, Ю. В. Косов, А. В. Торопыгин, А. Н. Михайленко, И. А. Мурылева, Н. И. Чергинец и др., стали исследовать возможности выделения нетрадиционных форм государственного устройства.

Анализ выводов указанных исследователей свидетельствует о том, что чаще всего в стремлении отыскать оптимальную дефиницию государственному устройству Союзного государства они обращаются либо к федерации, либо к конфедерации как наиболее адекватной нынешнему этапу развития Союзного государства форме государственного устройства. Так, в ч. 1 ст. 6 Договора о создании Союзного государства сказано: «Каждое государство-участник сохраняет с учетом добровольно переданных Союзному государству полномочий суверенитет, независимость, территориальную целостность, государственное устройство, Конституцию, государственный флаг, герб и другие атрибуты государственности». Следовательно, предполагается, что за каждой из стран-участниц Союзного государства закрепляется положение самостоятельного субъекта права. Иначе говоря, за каждой страной-участницей сохраняется суверенный статус, что противоречит всякой теории федерализма. Напротив, это во многом характерно для конфедеративной формы государственного устройства.

Конституции стран-участниц Союзного государства не позволяют говорить о возможном формировании в перспективе единого государственного образования в форме, например, федерации, поскольку в конституциях этих государств такая модель не предусмотрена. Теоретически Республика Беларусь, как унитарное государство, может войти в состав Российской Федерации на правах нового субъекта РФ в соответствии с п. 1 ст. 1 Конституции РФ. Однако, в этом случае Беларусь теряет свой суверенитет, что не устраивает Минск и не в интересах Москвы, теряющей поддержки союзника в ООН и во многих других международных организациях. Существует два способа формирования федеративных государств – договорной и конституционный. Договорные федерации создаются на основе соглашения, договора, учредительного акта, который заключается между суверенными государствами.

Исторический опыт показывает, что многие государства сосуществовали на договорных началах, в которых проявлялись признаки как федерации, так и конфедерации (Швейцария с 1291 по 1815 годы, Конфедеративные штаты Америки с 1861 по 1865 годы,

СССР с 1022 по 1991 годы). Однако исследование статуса Союзного государства как некоего государственного образования позволяет сделать вывод о том, что Союзное государство – весьма сложное образование и делать прогноз относительно его движения в сторону федерации или конфедерации не представляется возможным на сегодняшний момент.

В силу этого следует принять дефиницию Союзного государства, предложенную А. А. Гваришвили: «Союзное государство – это уникальное межгосударственное образование, представляющее собой парагосударство (или государствовподобное образование), на абстрактном уровне содержащее ключевые черты «государства-процесса», отражающие динамику и специфику переходного этапа к более плотному государственному единству суверенных субъектов Союзного государства» [2, с. 79].

Исходя из сказанного, можно предположить, что как государство-процесс Союзное государство имеет перспективу развития государственности, приближенной к форме конфедерации, вплоть до нивелирования всех разногласий в экономической, политической, правовой, социальной и иных сферах жизнедеятельности. Для этого сегодня имеются все условия и объективная необходимость. Сложно сегодня делать прогноз относительно перспектив развития Союзного государства. Будет ли это процесс воссоединения Беларуси и России в рамках провозглашенного единого государства или будет избран путь конфедерации двух суверенных государств доподлинно неизвестно. Можно лишь с уверенностью сказать, что темпы и объемы дальнейшей всесторонней интеграции Беларуси и России будут стремительно развиваться, поскольку в этом глубоко заинтересованы народы стран-участников Союзного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев В. П. Перспективы строительства Союзного государства в контексте геополитики // Актуальные проблемы строительства и развития Союзного государства: материалы Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 74-81.
2. Гваришвили А. А. К вопросу о природе Союзного государства Беларуси и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 74-81.
3. Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Содружество Независимых Государств: Институты, интеграционные процессы, конфликты и парламентская дипломатия: учебное пособие. – 2-е изд., доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 224 с.
4. Малахов В. П. Основы философии права: учебное пособие. – М.: Академический проект: Культура, 2005. – 238 с.

5. Мурылева И. А. Правотворческая политика в сфере создания Союзного государства России и Беларуси: к вопросу о подготовке конституции // Современное право. – 2010. – № 1. – С. 121-124.
6. Президент России Владимир Путин провел рабочую встречу с Государственным секретарем Союзного государства Дмитрием Мезенцевым // Союзное государство. – 2022. – № 10-12. – С. 18-19.

НЕЧАЕВ А. Д., НЕСТЕРОВА Т. И.

МНИМЫЕ И ПРИТВОРНЫЕ СДЕЛКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Среди множества видов недействительных сделок, встречающихся на практике, особое внимание в гражданском праве уделяется мнимым и притворным сделкам. В настоящей статье рассматривается и анализируется судебная практика признания сделок недействительными по основаниям мнимости и притворности, предусмотренным в ст. 170 ГК РФ.

Ключевые слова: сделка, договор, недействительность, мнимость, притворность, недобросовестность.

NECHAEV A. D., NESTEROVA T. I.

SHAM AND FRAUDULENT TRANSACTIONS IN CIVIL LAW

Abstract. Among the many types of invalid transactions encountered in practice, special attention in civil law is paid to sham and fraudulent transactions. This article examines and analyzes the judicial practice of invalidating transactions on the grounds of being fraudulent provided for in Article 170 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: transaction, contract, invalidity, sham, fraudulence, unscrupulousness.

Сделка является одним из наиболее часто встречающихся оснований возникновения гражданских правоотношений. От соответствия совершенной сделки нормам закона зависит ее действительность в целом. Среди видов недействительных сделок особый интерес вызывают мнимые и притворные сделки, поскольку своей главной целью они имеют обход закона.

Мотив «обойти закон» диктуется желанием достичь определенного хозяйственного результата, однако такого результата, который противоречит «цели закона».

В соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] мнимой является сделка, у сторон которой отсутствует намерение создать правовые последствия. Такая сделка является ничтожной, то есть недействительной с момента заключения. Судебной практикой сформированы определенные критерии для квалификации сделки как мнимой.

1. Мнимой является сделка, если стороны не имели намерения создать юридические последствия. Формальное исполнение сделки никак не препятствует ее квалификации как мнимой [2].

2. Отсутствие материальных средств у стороны для исполнения договора не может являться основанием для признания сделки недействительной. Так, стороны заключили

договор, по которому поставщик (ответчик) должен был изготовить и поставить оборудование, а покупатель (истец) – оплатить товар. Фактически товар поставлен не был, а акт сдачи-приемки подписал представитель истца, на основании чего была произведена оплата «поставленного» товара. Истец ссылался на показания генерального директора завода, которые были получены в ходе предварительного следствия, в которых он указывал на техническую невозможность исполнения условий договора, что, по его утверждению, указывает на мнимый характер сделки. Суд мотивировал свою позицию тем, что ст. 170 ГК РФ применяется лишь в том случае, когда обе стороны не имеют намерения исполнять сделку или требовать ее исполнения. Поскольку покупатель осуществил оплату за товар, то оснований для признания сделки мнимой не имеется [3].

3. Если стороны совершают юридически значимые действия, создающие видимость исполнения договора, то это не мешает квалификации сделки как мнимой. Данная позиция отражена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и подтверждается в решениях судов. Так, стороны подписали договор купли-продажи квартиры, но после продажи квартиры продавец (истец) продолжает проживать в спорной квартире, а ответчик (покупатель) прав на квартиру не заявляет. Суд пришел к выводу о том, что стороны относились безразлично к условиям договора и к последовательности выполнения его условий, в связи с чем не имели своей целью создать правовые последствия [4].

Помимо того, что нужно правильно квалифицировать сделку как мнимую, необходимо доказать эту мнимость. При доказывании считаем необходимым акцентировать внимание на следующем.

1. Доказать мнимость сделки возможно всеми видами доказательств [5]. Так, в одном случае мнимость сделки была подтверждена заключением эксперта о несовпадении даты договора со временем его фактического исполнения [6].

2. Судебный акт, которым была установлена реальность исполнения, имеет преюдициальное значение [7].

3. Необходимо доказать, что обе стороны не имели своей целью выполнять условия сделки в действительности [8].

В соответствии с п. 2 ст. 170 ГК РФ притворной является сделка, которая заключается с целью прикрыть другую сделку.

На основе приведенных определений о мнимой и притворной сделках мы можем заключить, что мнимая сделка отличается от притворной тем, что целью мнимой сделки является лишь создание видимости, а притворная сделка своей целью ставит создание

правовых последствий, однако не тех, что соответствуют сделке [9].

Это совершенно разные основания недействительности сделок, и наличие в судебном акте взаимоисключающих выводов о мнимости и притворности договора может служить основанием для признания этого акта незаконным [10].

При квалификации сделки как притворной следует обратить внимание на следующее:

1. Несовпадение волеизъявления с действительной волей сторон.

2. Стороны намеревались совершить притворную сделку, иначе говоря, обе стороны осознавали, что они совершают притворную сделку. Так, гражданка передала по договору дарения двухкомнатную квартиру другому лицу с условием, что данное лицо будет за ней ухаживать, поскольку даритель является инвалидом и не может самостоятельно за собой ухаживать. Одаряемый квартиру принял, но договоренность по уходу выполнял только первое время, и даритель обратился в суд с иском о признании сделки притворной и применении последствий недействительности сделки. Суды первой и апелляционной инстанций в удовлетворении иска отказали, обосновывая свою позицию тем, что истец не доказал, что договор дарения является притворным и прикрывает в действительности договор пожизненного содержания с иждивением. Судебная коллегия по гражданским делам Второго кассационного суда с выводами судов первой и второй инстанций не согласилась и указала, что допрошенные по делу свидетели подтвердили невозможность истца самостоятельно за собой ухаживать и нуждаемость его в постоянном уходе. Подтвердилось и то, что ответчик не нес расходы по содержанию квартиры и является получателем компенсационной выплаты как лицо, осуществляющее уход за нетрудоспособным. С учетом изложенного, суд кассационной инстанции пришел к выводу, что суды первой и второй инстанций не установили направленность действительной воли сторон сделки тем последствиям, которые были достигнуты [11].

Считаем, что в данной ситуации не имеется состава притворной сделки, поскольку истец не имел намерения прикрыть сделку, можем предположить, что в данной ситуации имеет место сделка, совершенная под влиянием существенного заблуждения, поскольку истец в полной мере не осознавал последствий сделки.

3. Необходимо установить, какую сделку прикрывает притворная сделка, в противном случае вывод о притворности сделки не может быть сделан.

Так, между сторонами был заключен договор займа. Займодавец (истец) передал заемщику (ответчику) денежные средства, которые заемщик обязался возвратить через два месяца. Свои обязанности заемщик исполнял только первое время. В связи с тем, что заемщик не вернул всю сумму в срок, займодавец обратился в суд с иском о взыскании задолженности, а также процентов за пользование чужими денежными средствами.

Суд первой инстанции удовлетворил исковые требования в полном объеме. Однако суд апелляционной инстанции отменил данное решение и отказал в удовлетворении исковых требований, аргументировав свою позицию тем, что истец отказался дать пояснения относительно происхождения и передачи денежных средств, то есть злоупотребил своим правом. На основании этого суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что денежные средства не передавались и между сторонами имела место притворная сделка.

Суд кассационной инстанции отменил решение суда апелляционной инстанции, мотивируя свою позицию тем, что определение суда апелляционной инстанции принято с нарушением норм материального и процессуального права. Выводы суда апелляционной инстанции о «безденежности» заключенного договора были основаны только на объяснениях ответчика и его отца. Поскольку добросовестность участников презюмируется, то вопрос об источнике денежных средств не имеет значения для разрешения спора. Помимо вышеуказанного, суд апелляционной инстанции не высказал какого-либо суждения относительно того, какую сделку прикрывали стороны. Также вышестоящий суд принял во внимание, что в данном случае ни одна из сторон не заявляла требований о признании сделки ничтожной. Таким образом, суд кассационной инстанции оставил в силе решение суда первой инстанции [12].

4. Если суд ошибочно квалифицировал притворную сделку как мнимую, то это не может являться основанием для обжалования судебного акта, так как это не привело к принятию неверного решения по существу спора [13].

При доказывании притворности сделки следует учесть, что, если в сделке отсутствует эквивалентность встречного предоставления, то это еще не свидетельствует о притворности конкретной сделки.

Таким образом, мнимая и притворная сделки не имеют своей целью создать реальные правовые последствия, а нацелены на обход закона. При квалификации сделок большую роль играет не только отсутствие юридических последствий (мнимая сделка) или достижения последствий, но не той сделки, которую стороны заключили (притворная сделка), но и воля сторон: обе стороны договора должны осознавать и желать этих последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 29 декабря 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.11.2023).
2. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской

- Федерации № 25 от 23 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 10505/04 от 8 февраля 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-16533/2022 [88-17074/2022] от 2 ноября 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 692/99 от 30 мая 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
6. Постановление Арбитражного суда Центрального округа № Ф10-2084/15 по делу № А14-7314/2014 от 23 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-4304/15 по делу № А41-10803/2013 от 9 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 7 апреля 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-12062/14 по делу № А40-26432/2012 от 20 января 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 18-КГ13-55 от 16 июля 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-19985/2022[88-19950/2022] от 15 сентября 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 24-КГ13-3 от 9 апреля 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).
13. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

№ 677/10 от 25 мая 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 15.11.2023).